

Штрафбат Его Императорского Величества

*В ВИХРЕ
ВРЕМЁН*

«Попаданец» на престоле

Сергей ШКЕНЁВ

Штрафбат Его Императорского Величества

Сергей Шкенёв

**Штрафбат Его
Императорского Величества.
«Попаданец» на престоле**

«Махров»

2012

Шкенёв С. Н.

Штрафбат Его Императорского Величества. «Попаданец» на престоле / С. Н. Шкенёв — «Махров», 2012 — (Штрафбат Его Императорского Величества)

Его накрыло немецким снарядом в окопах Великой Отечественной – и забросило взрывной волной в тело Павла Первого, в ту самую мартовскую ночь 1801 года, когда император должен быть убит заговорщиками. Но советский гвардеец – это вам не «бедный Павел», проглядевший дворцовый переворот и позволивший удавить себя в собственной спальне! Члена ВКП(б) с 17-летним стажем голыми руками не возьмешь! У бывшего капитана НКВД, разжалованного по приказу иуды Тухачевского, личный счет к доморощенным «бонапартам» и врагам народа. Он устроит изменникам Большой Террор и «павловские репрессии»! Цареубийц поднимут на штыки верные присяге гренадеры дежурного офицера Бенкендорфа. Мятежные полки будут расстреляны егерями генерала Багратиона. А из выживших бунтовщиков сформируют первый в истории штрафбат под командованием Великого Князя Александра Павловича, разжалованного в армейские прапорщики за причастность к заговору против отца. Штрафникам Его Величества предстоит «смыть вину кровью» в боях против эскадры адмирала Нельсона и английского десанта под Петербургом. Ни шагу назад!

© Шкенёв С. Н., 2012

© Махров, 2012

Содержание

Пролог	7
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Шкенёв

Автор выражает признательность литературному форуму «В Вихре Времен» за помощь, Да и просто за то, что этот форум есть. Спасибо.

Документ 1

«От Советского Информбюро:

В течение 13 сентября западнее города Сталино (Донбасс) наши войска продолжали развивать наступление и, продвинувшись вперед от 6 до 15 километров, заняли свыше 90 населенных пунктов, в том числе районный центр Сталинской области БОЛЬШАЯ ЯНИСОЛЬ и крупные населенные пункты КОМАРЬ, ВРЕМЬЕВКА, НОВОДАРОВКА, САНЖАРОВСКИЙ, ВОРОШИЛОВКА, ЗАЧАТЬЕВКА.

На Нежинском направлении наши войска, преодолевая сопротивление противника, продолжали успешное наступление и, продвинувшись вперед от 10 до 17 километров, заняли свыше 40 населенных пунктов, в том числе районный центр Черниговской области КОМАРОВКА, крупные населенные пункты ВОЛОВИЦА, СТЕПАНОВКА, БРИТАНЫ, ЕВЛАШОВКА, БУРКОВКА, ПЕЧИ, МАЛЫЙ САМБУР, ВЕЛИКИЙ САМБУР, ТИНИЦА, ГОЛЕНКИ, ГАЙВОРОН, ДЕПТОВКА, КОШАРЫ, ГАЛКА, и железнодорожные станции КРУТЫ, ВАРВАРОВСКИЙ.

На Прилукском направлении наши войска продолжали развивать наступление и, продвинувшись вперед от 10 до 12 километров, заняли свыше 140 населенных пунктов, в том числе крупные населенные пункты ХМЕЛЕВ, КОРОВНИЦЫ, ГЕРАСИМОВКА, БОБРИК, РУЧКИ, КРУТЬКИ, ХАРЬКОВЦЫ, и железнодорожные станции АНДРЕЯШЕВКА, ЮСКОВЦЫ.

На Рославльском направлении наши войска, преодолевая сопротивление противника, продвинулись вперед от 4 до 6 километров и заняли свыше 40 населенных пунктов.

На Брянском направлении наши войска продолжали успешное наступление и, продвинувшись вперед от 10 до 15 километров, заняли свыше 30 населенных пунктов, в том числе крупные населенные пункты ИВОТ, ЦЕМЕНТНЫЙ, КРЫЛОВКА, САМАРА-РАДИЦА, БОЛЬШОЕ ПОЛПИНО, а также железнодорожные станции БЕЛО-БЕРЕЖСКАЯ, СНЕЖЕТЬСКАЯ, СВЕНЬ и железнодорожные узлы БРЯНСК-1 и БРЯНСК-II (на восточном берегу реки Десна). Таким образом, наши войска вплотную подошли к городу Брянску».

Документ 2

Именной список безвозвратных потерь начальствующего состава¹ 38-го Гвардейск. Краснознам. Мином. полка с 10 по 20 сентября 1943 г. ф. № 2:

1. Варзин Михаил Илларионович

¹ Начальствующего состава – так в оригинале документа.

Военное звание – гвардии рядовой

Должность и специальность – номер орудия

Партийность – член ВКП(б)

Место и год рождения – Вологодская обл. Вологодский р-н. дер. Глушица
1912 года

Каким РВК и какой обл. призван – Вологодским ГВК Вологодской обл.

Когда и по какой причине выбыл – 13 сент. 1943 г. Прямым попаданием
в землянку снаряда противника

Где похоронен – Ленинград. обл. Шлиссельбург. р-н. Восточнее
600 метр. д. Марьино

Имя, отчество и фамилия жены или родителей – жена Варзина Евгения
Ивановна

Адрес местожительства – г. Вологда ул. Урицкого дом № 29 кв.2

Выслано извещение № 11 17.09.43 г.

2. Романов Павел Петрович

Военное звание – гвардии рядовой

Должность и специальность – номер орудия

Партийность – член ВКП(б)

Место и год рождения – Горьковская обл. Кстовский р-н. дер. Слобода-
Подновье

1905 года.

Каким РВК и какой обл. призван – Кстовским РВК Горьковской обл.

Когда и по какой причине выбыл – 13 сент. 1943 г. Прямым попаданием
в землянку снаряда противника

Где похоронен – Ленинград. обл. Шлиссельбург. р-н. Восточнее
600 метр. д. Марьино

Имя, отчество и фамилия жены или родителей – жена Романова Мария
Николаевна

Адрес местожительства – Горьковская обл. Кстовский р-н. дер. Слобода-
Подновье

Выслано извещение № 12 17.09.43 г.

*Начальник штаба полка
гвардии майор Паливода.*

Пролог

Затишье у нас, значит, можно вздохнуть посвободнее. Судя по сводкам, что утром зачитывал замполит дивизиона, наши дерут фрицев в хвост и в гриву где-то в Донбассе, а мы так, прохлаждаемся. А что, заслужили передышку после закончившегося три недели назад наступления. Может, кому эти отбитые тридцать километров покажутся мелочью... А вот приезжайте к нам, если так кажется.

Командир полка, майор Потифоров, говорят, примеряет к погонам еще одну звездочку. Пусть, нам-то что? Главное, что он умудрился где-то выцыганить на два дня передвижной банно-прачечный пункт. Успеем помыться, постираться да заодно повыведем шестиногих фашистских диверсантов – чего уж скрывать, встречаются. Немного и не часто, но бывают. Правда, как говорит товарищ капитан Алымов, они на нас от голода дохнут. Шутит, конечно, дивизионный – с прорывом блокады со снабжением стало получше, отъелись мы чуток, округлились, и теперь даже вошке есть за что зацепиться. Ничего, уничтожим и эту гадину.

А еще прибытие бани – верная примета к наградам. Летом перед вручением гвардейского знамени приезжала и вот сейчас. «За отвагу» непременно очистится, не иначе, вот нутром чую. Мне и Мишке. Вот наводчику, тому не меньше «Красной звезды» – батарейная аристократия, им без орденов вообще никак.

– Паша, ну ты идешь? – боевой товарищ заглядывает в землянку и хитро подмигивает одним глазом. Второй вчера прямой наводкой подбили соседи-самоходчики.

Вот всем хорош Мишка, но, по-старорежимному выражаясь, пагубная страсть к трофеям его когда-нибудь погубит. Зачем нужно было тот брезент экспроприировать? Приди к ихним ремонтникам с полной фляжкой, так сами отдадут. Нет же, обязательно попятить, и никак иначе. Ну и заработал в рыло, заполучив вместе с фингалом почетное прозвище.

– А, Кутузов, заходи!

Я в землянке один – законопатили чуть ли не под арест по причине болезни. За полтора года ни единой царапины, а тут свалился с обыкновенной простудой. Так, ерундовина пустяковая, но горло перехватило, и в левом виске будто черти горох молотят. Ангина, как фельдшерица сказала.

– Опять бредишь? – Варзин обиделся за Кутузова. – Тут как к человеку, а он...

Смешно. Когда Мишка обижается, то становится похожим на немца с плакатов Кукрыникозов. Не знаю чем, но похож. Да он и так на вид истинный ариец – наверняка в пехоту не взяли из-за того, что свои могут перепутать и шлепнуть под горячую руку. Недаром же особист косится. Долю с трофейного шнапса берет, но все равно косится.

– Да ладно, чего ты, Михаил Илларионович! – Смеяться больно, а не смеяться нельзя.

– Одевайся, меня старшина прислал. Наши все помылись, только заразных в последнюю очередь запускают. – Варзин многозначительно покрутил перед носом свертком с чистым бельем. – Горячей воды литров сорок осталось, будем как их сиятельства буржуйские графы отмокать.

– И откуда у тебя, товарищ коммунист, такая тяга к роскошной жизни?

Мишка не смущается:

– Смотри! Фрицевское пойло! Генеральское, не меньше.

Разматывает приготовленные в баню подштанники и показывает пузатую бутылку с золотой каймой по краю этикетки и синими буквами названия.

– Дай-ка сюда... – Приходится вставать и поворачиваться к свету. – Ага, точно генеральское. «Мартель Кордон Блю» тридцать второго года. Виноградники Бордери.

– Не знал, что ты по-немецки сечешь.

– Да там на французском.

– Это все из тех снов, Паш? – В глазах у Варзина любопытство и предвкушение. Если скажет, что опять брежу, – дам во второй глаз.

Сны... почти две недели ночных кошмаров, заканчивающихся всегда одинаково: я просыпаюсь от собственного сдавленного хрипения, хватаю воздух саднящим горлом и сижу потом до утра, боясь заснуть. И неважно где, в окопе ли в землянке или просто привалившись спиной к колесу «катюши», – стоит задремать, и они приходят. И меня опять убивают, задушив каким-то разноцветным шарфом.

Мишке о шарфе не рассказываю – в лучшем случае сочтет сумасшедшим, в худшем же... А вот об остальном можно. Он сначала не поверил, решил, что разыгрываю, но потом как-то разом перестал смотреть с жалостью, будто на деревенского дурачка, и увлекся. И требует все новых и новых историй. После войны, говорит, книжку нужно написать, как товарищ Толстой. Ну, это, конечно, загнул... где я, а где Алексей Николаевич? Да и интересного не очень-то много – дворцы видел, кареты, войска в старинном обмундировании, похожие на оловянных солдатиков, баб в пышных платьях с почти голыми титьками... Прямо так и есть – тряхнуть чуть-чуть, и выпрыгнут из низкого выреза точно в руки. Еще с королем французским разговаривал у него же дома. Король не понравился. Королева, кстати, тоже. Не так, чтобы совсем страшная, а не легла душа, и все тут.

Каждую ночь в голове кино крутится и каждый раз новые фильмы показывает. Хорошие такие, цветные... Жаль только, заканчиваются одинаково – бьют чем-то тяжелым и душат шарфом. Не к добру это. Убьют меня скоро, чувствую.

– Так ты мыться пойдешь? – Мишка обрывает неприятные воспоминания тычком в бок и забирает бутылку с коньяком. – А то я один. И потом тоже...

Этот может и в одиночку, такая вот натура вологодская – что водку пить, что фрицев бить... везде поспеет.

– Погоди, Миш, сейчас иду. Внутри что-то... ну понимаешь.

– Очень понимаю! – Варзин ухмыльнулся и зачистил, окая так, что даже мне, волгарю, завидно стало: – Чего не понять-то? Когда меня с колхозу по спине мешалкой погонили, оно тоже в грудях аж стеснение выходило.

– А это здесь с какого боку припека? Хотя постой, тебя разве раскулачивали?

– Зачем? – удивился Мишка.

– Ну, не знаю...

– Не знаешь, так не говори! С председателем добром договорился – он выгоняет по хорошему, а я в область уезжаю и к его жене больше ни ногой. Да, а чо... ноги ведь там не главное.

– И что, больше ни-ни?

– Как сказать... Погодь, заболтал, Пал Петрович, совсем. Об этом начинали-то?

– О чем же?

– О понимании, Паш, исключительно о понимании! – Варзин махнул рукой и достал спрятанную было бутылку. – Вот ей, родимой, только и спасался от внутреннего угнетения. Потом уж попустило, когда женился, а так бы совсем беда. Давай, что ли?

– Прямо так?

– А чо такого?

Я поискал взглядом крышку от котелка, помню же, что на столе должна быть. Ага, вот и она, на самом краешке... Взять не успел – тяжело вздрогнула земля, ударила по ногам и ушла из-под них, будто живая, а ее вскрик от страшной раны утонул в грохоте разорвавшегося снаряда.

– Гаубица! – определил Мишка, отряхивая с волос сыпанувший с наката мусор. – Давеча рама кружила... гнида.

Новый близкий взрыв заставил плотнее вжаться в прикрытый брезентом пол.
– Не дрейфь, Романов! Говорят, что своей пули или снаряда услышать нельзя!
Он оказался прав – мы и не услышали.

Документ 3

«Уведомясь, что английское правительство, в нарушение общих народных прав, дозволило себе насильственным образом обидеть датский флаг заарестованием купеческих их кораблей, шедших под прикрытием датского военного фрегата; таковое покушение приемля, Мы в виде оскорбления, самим нам сделанного, и обеспечивая собственную нашу торговлю от подобных сему наглостей, повелеваем: все суда, английской державе принадлежащие, во всех портах Нашей империи арестовать и на все конторы английские и на все капиталы, англичанам принадлежащие, наложить запрещение; а каким образом в сем поступить, имейте снести с президентом коммерц-коллегии князем Гагариным».

«...чтобы со стороны коммерц-коллегии приняты были меры, дабы пенька, от российских портов ни под каким видом и ни через какую нацию не была отпускаема и переводима в Англию, а потому и должно принять предосторожность, чтобы комиссии, даваемые от англичан по сей части купечеству и конторам других наций, не имели никакого действия; российскому же купечеству объявить, что ежели таковой перевод, под каким бы то предлогом ни было, открыт будет, то все количество сего товара будет описано и конфисковано в казну без всякого им платежа».

«...по существующей между сими державами теснейшей связи, не на Пруссию сие обращается, но есть общая мера, принятая правительством, к пресечению вывоза товаров в Англию», причем это запрещение «распространяется повсеместно на все Балтийские и прочие порты к единственному пресечению видов, англичанами принятых».

Глава 1

Я не слышу, я совершенно ничего не слышу, только хруст и звон падающих осколков раздавленного в руке бокала. Кровь мешается с цимлянским и пятнает манжет.

– Ваше Императорское Величество... Ваше Величество, вам дурно? – Голос пробивается сквозь гул в ушах и звучит откуда-то издалека. Незнакомый? Знакомый и равнодушный. – Лекаря сюда скорей!

– Не нужно врачей, Александр.

Это я сказал? Наверное. Но почему все замолчали и смотрят удивленно? Ну да, сам же запретил употребление слова «врач». Запретил? Зачем?

– С вами точно все в порядке? – В глубине глаз сидящего на противоположной стороне стола читается надежда на отрицательный ответ. – Петр Алексеевич говорил...

– Вздор! – перебиваю его, и мой vis-a-vis замолкает. – Немецкий колбасник не может иметь мнение, противоречащее императорскому.

Изумление Александра сменяется потрясением: слишком молод, чтобы научиться скрывать чувства. Он, кстати, кто? Да, здесь еще один есть... застыл с вилок, поднесенной к открытому рту. Мухи же залетят, дурачок! Это сыновья – неожиданно приходит понимание. Мои? Нет, Пушкина... От невинной шутки вспыхивает внезапная злость, и нестерпимо захотелось найти товарища Пушкина, да и сослать в Сибирь, предварительно подвергнув смертной казни через расстреляние. Но разве у императора могут быть товарищи?

– Поди прочь! – Лакей в смешном напудренном парике, быстро и бесшумно убирающий осколки разбитого бокала, отпрянул в испуге. – Совсем уйди!

Молчаливый поклон, и он исчезает, пятясь задом и мелко семеня обтянутыми в белые чулки ногами. Что еще за маскарад? Или машкерад?

– Ваше Императорское Величество! – Младший (Константин – всплывает знание) уже справился с растерянностью. – Разве граф Пален может быть колбасником?

– Фон дер Пален, – поправляю сына. – И эти фашистские сволочи все одним миром мазаны. Еще Эренбург говорил – сколько раз встретишь немца, столько и убей!

Господи Боже, что за ахиною я несу? Кто такой Эренбург? Почему нужно убить чуть ли не половину собственных генералов? Ответа нет, и в повисшем молчании слышен бой барабанов и звуки флейт за окном. И кровь капает с сжатой в кулак руки. Кап... кап... на скатерть, на посуду с затейливыми вензелями, на широкую ленту Андрея Первозванного. Зачем при параде и орденах?

Верно, при параде. А как иначе прикажете принимать присягу? Хотя да, можно и иначе – неровный, мечущийся от малейшего движения огонь коптилки, сделанной из расплющенной гильзы, тени на бревенчатых стенах землянки, заученный наизусть текст под аккомпанемент далеких взрывов, подпись химическим карандашом в придвинутом политруком журнале. Тоже присяга – образца весны сорок второго года на Невской Дубровке.

Подождите... вспомнил! Это же сны! Те самые сны, что вижу постоянно! Аж полегло. Значит, меня сегодня опять убьют, и я вернусь, и Мишка Варзин снова начнет приставать с расспросами. А что тут расскажешь? И не видел ничего толком – весь день командовал марширующими под музыку солдатами, потом принимал присягу у сыновей Павла Первого, сейчас вот ужинаем втроем. Одному нельзя никак, сыпанут отравы и...

Вот опять! Это не мои мысли. И дети... нет, дети мои. Александр, Константин, Николай, Михаил... дочери еще есть. Вот настрогал! Да, я помню и знаю! Эти старшие – сидят не шелохнувшись, бояться спугнуть царственную мысль. Откуда, кстати, мысли? Раньше в снах не мог изменить ничего, даже слова повторялись одни и те же.

– Ваше Императорское Величество?

– Ничего-ничего, сидите, это я презабавнейший анекдот вспомнил. Из Плутарха, – с трудом сдерживая рвущийся наружу смех.

Как не смеяться – представляю лица ученых историков из будущего, если бы они смогли прочитать, что Павел Первый вечером перед своей смертью обозвал графа Палена фашистом и колбасником. Жаль, не смогут. Хорошая шутка, Мишке расскажу, оценит.

– И все же позвольте...

– Не позволю! – Грозный окрик, вырвавшийся сам собою, казалось, отбросил Александра. Приборы звякнули, на скатерти появился ярко-алый отпечаток ладони. – Сидеть, сказал!

Эх, хорошо быть самодуром! Кабы не упорно ползущие слухи о моей скорбности на голову, так и совсем прекрасно. И вообще... никакая помещицья сволочь не смеет указывать коммунисту, что ему можно делать, а что нельзя. Тем более если этот коммунист на должности императора. Дождетесь! Коли уж так получается изменять сны – хлопну дверью напоследок. Тем более с настоящим Павлом не по-человечески выходит – я-то проснусь, а ему оставаться. Недолго оставаться, пока не задушат. Не брошу товарища в беде.

– Все, свободны оба! – Их высочества с готовностью подсакивают, срывая салфетки. – Но завтра поутру извольте явиться для серьезной беседы.

О чем говорю, какое поутру? До утра еще ни разу не доживал. Ладно, разберемся. Чему быть – того не миновать!

Высокие двухстворчатые двери распахнулись сами собой, едва только подошел. В щелку подсматривали, ироды? Лакеи по сторонам застыли в почтительном поклоне – не иначе, свинцовые грузы сзади для равновесия подвешивают, нормальный человек давно бы кувыркнулся головой вперед. Эти же как игрушки-невалышки. Если задержаться, час так простоят?

Молоденький офицер с восторженным лицом только что выпущенного из училища младшего политука и в мундире флигель-адъютанта вытянулся во фронт. Орел, как есть орел, разве что не двуглавый. И это плохо. В том смысле плохо, что такие энтузиасты голову кладут в первые пять-десять минут первого же боя. С двумя дольше бы прожил.

– Кто таков?

– Лейб-гвардии Семеновского полка прапорщик Бенкендорф, Ваше Императорское Величество!

И тут одни немцы. Ей-богу, если сейчас еще окажется, что он Фриц Карлович, непременно прикажу расстрелять без всякого трибунала, руководствуясь токмо чувством пролетарской справедливости.

– Бенкендорф, говоришь? А по батюшке?

– Александр Христофорович, Ваше Императорское Величество!

– Ну полно тебе, братец, не ори так, как есть оглушил. А не ты ли, прапорщик, Пушкина угнетал?

– Не могу знать!

Ну вот, ни с того ни с чего насел на человека. Может быть, это совсем другой Бенкендорф? Вполне могу ошибаться, так как еще не вполне разобрался в воспоминаниях настоящего Павла Первого. Ага, а я, получается, поддельный?

– А что ты вообще знаешь, милоч?

Флигель-адъютант побледнел и стиснул рукоять шпаги. Покосился с опаской на лакеев и прошептал, почти не шевеля губами:

– Разрешите доложить наедине, Ваше Величество?

– Изволь. – Тьфу, старорежимные словечки так и лезут. – Так проводи меня.

– Соблаговолите Николаю Павловичу покойной ночи пожелать?

В груди всколыхнулось и потеплело – дома тоже Колька остался, на Покров в аккурат десять годков исполнится. Здешнему поменьше, больше чем вдвое поменьше. И вообще, расплодился я тут невероятно, как будто другого занятия и не было. Память подсказывает – действительно не было. Или солдатиков по плацу гоняй, или горькую пей, или чпокайся. От второго матушка уберегла (старая жирная ведьма, чтоб ей на том свете сковородка погорячее досталась!), первому и третьему занятиям мог предаваться невозбранно. Вот и предавался...

Предлагают навестить сына? А почему бы и нет?

– Ведите, прапорщик, – милостиво киваю, и окрыленный флигель-адъютант лично распахивает следующую дверь.

Интересно, как можно жить во дворце, где все комнаты проходные? Надеюсь, моя спальня будет отдельной? Опять подсказка – зря надеюсь, там еще есть вход в покои императрицы. А если... хм... ладно, разберемся на месте.

Детская встретила грохотом сражения, летающими ядрами, с успехом заменяемыми подушками, атакой кирасир на игрушечных лошадках и криками няньки, судя по бестолковости и общей глупости, изображающей австрийского фельдмаршала. Впечатление подтверждал и усиливал ее забавный шотландский акцент, ставший еще более заметным с появлением на пороге моего величества. Впрочем, долго разглагольствовать у мисс (или миссис? или вообще леди?) не получилось – ловко брошенная думка свернула пышный парик на нос, а куда-то в область ретирадной части воткнулась деревянная шпага, направленная детской, но твердой и уверенной рукой.

– Папа, я убил вражеского генерала!

Поверженный оружием Николая противник не разделял восторгов юного кавалериста, но и высказывать недовольства не решался. Да, пусть помолчит, раз заколота в задницу! Не то осерчаю... и на Соловки, как пособницу английского империализма.

– Сударыня, вы свободны. Пока свободны.

Не знаю, что она услышала в моем голосе, но тут же ее кровь отхлынула от раскрасневшегося даже под толстым слоем белил лица, и дама сомлела. Да что там, натурально хлопнулась в обморок. Никакого уважения к монарху!

– Поручик, воды!

– Будет исполнено, Ваше...

Не договорил, убежал. А почему такой радостный и цветущий, будто клумба перед Домом культуры речников?

– Вот, Ваше Императорское Величество! – протягивает кувшин, а сам смотрит с вопросом и ожиданием.

– Поручик! – повторил с нажимом. Не признавать же свою оговорку? – Вода нужна не мне, а ей. Хотя постой... бездыханная мадам разговору не мешает?

– Никак нет, Ваше...

– Спокойнее, юноша, спокойнее. Давай уж по-простому, без титулования...

Не верит.

– Ну?

– Государь?

– Вот так-то оно получше. И покороче. А тетку все равно отнеси куда-нибудь... э-э-э... куда-нибудь.

– Простите, государь, но это не моя тетка.

Да, молод офицерик и жизни не знает. Сюда бы товарища капитана Алымова – живо бы разъяснил немчуре всю его родословную, особенно по женской линии.

– Выполнять! Вытравлю моду с царем спорить! Без трибунала в штрафную роту закатаю!

Покуда новоиспеченный поручик уносит няньку, можно собраться с мыслями. Можно, но не дают – Мишка ухватился за орденскую ленту и тянет ее, настойчиво просясь на руки, а Николай вскинул деревянную шпагу в воинском салюте:

– Bonsoir, papa!

– Коленька, – стараюсь, чтобы голос звучал строго, но мягко, – негоже приветствовать своего отца и государя на языке противника.

Мальчик смутился и пролепетал:

– Доброго вечера, папа. – Потом оживился: – А можно, ты тогда велишь всех учителей прогнать?

– Зачем же так?

– Но ведь все чужие языки – вражеские?

Вот оно как! Совсем малец, а выводы делает весьма правильные и полезные. Но не во всем правильные.

– Поди-ка сюда! – Присаживаюсь на низенькую софу, и дети с готовностью и охотой лезут ко мне на колени. – Нешто неучем хочешь жить?

– Я хочу царем, как ты! – насупился было Николай. – А почему тебя Павлом Первым зовут?

– Ну... в нашем роду с таким именем до меня никого не было.

– А с моим?

– Тоже.

– Значит, буду Николаем Первым! Но сначала генералом и фельдмаршалом.

– А скажи, любезный мой генерал-фельдмаршал, как же, не зная языков, пленным допрашивать?

Коля задумался, упрямо сжав пухлые губы, и объявил:

– На английский, французский да немецкий согласен. А турецкий не буду! Какие же из них враги, коли их только ленивый не бьет?

Миша заерзал, полностью соглашаясь со старшим братом, и попросил:

– Кази каску!

– Сказку рассказать? Какую же?

– Стласную.

Появившийся Бенкендорф деликатно предложил:

– Принести няньку обратно, государь?

– Не нужно, сам расскажу.

У поручика удивленно взлетели брови – видимо, репутация сумасшедшего царя получила новое подтверждение и еще более упрочилась.

– Сказку, говорите? Хорошо, будет вам сказка страшная-престрашная. Про колобка.

Я обнял детей, стараясь не прижимать к груди, чтобы не поцарапались о брильянты орден, прокашлялся и начал:

– Было это, дети, во времена столь незапамятные, что немногие старики и упомнят. И жил тогда то ли в Херсонской губернии, то ли в Полтавской отставной портупей-юнкер Назгулко. Надобно добавить, что, несмотря на военный чин, не служил тот почтеннейший муж ни одного дня и ни одной ночи, будучи записанным в полк во младенчестве. По указу же о вольностях вовсе перестал думать о славе русского оружия, занявшись хитроумной механикой в собственном поместье. И был у того господина Назгулко кучер...

– Злой, – уточнил Николай.

– Почему?

– Кучеры все злые, они лошадок бьют.

– Хорошо, пусть будет злой.

– Это не хорошо, а плохо.

– Мы его потом накажем.

– Тогда ладно, – согласился мальчуган. – А дальше-то что?

– А вот слушайте... И захотел тот кучер как-то пирогов с вишнею. Захотеть-то захотел, но откуда вишням зимой взяться? Делать нечего, приказал своей бабке колобок испечь, а не то в угол на горох поставит да розгами попотчует. Бабке деваться некуда, тесто замесила, колобка испекла и на открытое окошко студиться положила.

– Замелзнут... – глубокомысленно заметил Мишка.

– Они оба злые, пусть мерзнут, – решил Николай.

Я не сразу и сообразил, о чем спор, и лишь потом мысленно хлопнул себя по лбу – про зиму же рассказываю, какие открытые окна?!

– И вот лежал наш колобок, лежал, да и надоела ему сия диспозиция. Огляделся, перекрестился, дому поклонился и пошел куда глаза глядят. Да, покатился... и глядели его глаза прямо на дорогу в Санкт-Петербург! Долго ли, коротко ли шел, то никому не ведомо, но повстречалось колобку на пути целое прусское капральство – все при ружьях, с багинетами, морды страшные, а на веревочках за собою мортирную батарею тащат. Главный капрал как глянет, да зубом как цыкнет, да как гаркнет:

– Кто ты таков есть? В мой брюхо марш-марш шнеллер! Я есть рюсски земли забирать, рюсски хлеб кушать, рюсски церковь огонь жечь, рюсски кайзер матом ругать!

Не растерялся колобок – вынул шпагу булатную да побил неприятеля, а наиглавнейшему капралу ненасытное брюхо в пяти местах проткнул.

Николай переспросил с подозрением:

– Шпага у него откуда?

– Как это откуда? – старательно делаю вид, что сказка именно так и задумывалась. – Будто не знаешь – русский народ может босым-голым ходить, но всегда найдет, чем супостату брюхо продырявить! Далее сказывать?

Можно и не спрашивать, даже поручик Бенкендорф закивал, испрашивая продолжения.

– И собрал колобок с пруссаков ружья, порох-пули прихватил, мортиры в карман засушил... а найденные талеры в болото бросил – немецкое серебро фальшивым оказалось.

– Мортира в карман не поместится!

Ага, не поместится... я тоже думал раньше, что трофеев может быть слишком много, пока не познакомился с Мишкой Варзиным. Одна история с подаренным майору Потифорову «Опель-Адмиралом» чего стоит. Но, думается, детям еще рано знать такие подробности.

– Это сказочные пушки, они куда угодно поместятся. Ну так вот... идет себе колобок дальше, никого не трогает, а навстречу – венгерские гусары, два эскадрона! – Миша испуганно взвизгнул и прижался сильнее. – Но нашего героя так просто не взять – как из ружей залпом выстрелил, как еще картечью бабахнул... Кругом дым, ржание конское... а потом тишина.

– Ой!

– Вот тебе и ой! Это называется активной обороной.

– Простите, Ваше Императорское Величество, – вмешивается Бенкендорф.

– Я же просил...

– Да, простите, государь, но использование мортир для стрельбы по...

– Хм, поручик, а тебе не кажется, что подобная занудливость присуща более всего прапорщикам?

– Да?

– Сомневаешься?

– Никоим образом, государь! Более того, уверен, именно ручные мортиры будут способствовать дальнейшим победам колобка над любым противником.

Сообразительный немчик попался, на лету схватывает. И если в профиль присмотреться – один в один наш полковой особист, только помладше. Еще бы не эта смешная форма...

Дети были против паузы в повествовании:

– Далее-то что было?

– Да все было! И поляков гонял, лично пленив мятежника Костюшко, и турок бивал, шведов лупил и в хвост и в гриву...

– А как же Петербург? – забеспокоился Николай. – Побывал?

– Как же, известное дело, побывал. Лично вручал герою золотую шпагу за храбрость и подвиги.

– А сам говорил, что давным-давно это было!

– Тайны хранить умеете?

– Да!!!

– Вот сие и есть тайна великая. Не приведи Господь, англичане про колобка узнают, нехорошо получится.

Коля опять задумался:

– А ордена у него есть?

– Конечно.

– Значит, это граф Платов! Ты его в Индию послал!

Кто, я? Не может быть! Твою же ж мать, не хватало еще с союзниками расплеваться. Они союзники? Ничего не понимаю... А как же Буонапарте? Голову сжало невидимым стальным обручем, и в виски будто впились острые иголки. Сердце забухало, прыгая где-то между желудком и горлом. Я кто? Гвардии рядовой Романов Павел Петрович или император с теми же фамилией, именем, отчеством? Это сны? Не понимаю... совсем ничего не понимаю... Дети, сказки, поручик в дурацком парике с косичкой, проступившая сквозь намотанную на руку салфетку кровь... Можно ли во сне сойти с ума? Кажется, у меня получилось.

Прочь отсюда, бежать прочь! Очнуться в уютной и такой родной землянке... здесь все чужое... только... Нет, это мои дети!

– Государь?

– Все потом, поручик, все потом. Зайди утром.

– Но, Ваше Императорское Величество!

– Все, я сказал! Или больше заняться нечем? Проведи в роте политинформацию.

– Простите, государь, а что такое...

– Выполнять!

– Слушаюсь, Ваше Императорское Величество!

Глава 2

Потрескивают свечи в затейливом подсвечнике на столе, и отблески огня играют на гранях хрустального графина. Дворец уснул, и настороженная тишина затаилась в темных углах. Не люблю тишину, вечно ожидаешь от нее какой-нибудь гадости и редко обманываешься в ожиданиях и предчувствиях. И пить в одиночестве не люблю. Видимо, и настоящий Павел не злоупотреблял подобным, недаром на приказ принести вина лакей выказал крайнее удивление. Но, будто зная, что за такую ошибку ругать не буду, принес, дурак, коньяку...

Вот он, как жидкий янтарь, покачивается в моем бокале, и я все никак не решусь пригубить, разрушить хрупкое очарование грубым прикосновением губ. Медленно вдыхаю знакомый аромат... Знакомый? Пожалуй, что так. Но откуда, если ранее никогда его не пробовал? Я не пробовал? А кто же тогда...

Нет, об этом вспоминать не будем – по сию пору стыдно становится. Да, но за что стыдно? Какое мне дело до того, что творил когда-то будущий император Павел Первый? Дело есть – неизвестно отчего ощущаю себя одновременно и им, и собой, с ответственностью за поступки и того, и другого. Раньше такого не случалось, сны шли своей дорогой, свернуть с которой совершенно невозможно – ночь, табакерка, шарф. Как собака с попавшей в колесо лапой – пищи, но беги. Сейчас же все иначе. Я – император? Да, я император. Гвардии рядовой Павел Петрович Романов, исполняющий обязанности императора.

Долгий глоток, пустивший огонь по жилам и разрешивший сомнения. Понюшка табаку, изрядно прочистившая мысли... Да какая разница, как это получилось и долго ли продлится – я солдат и приносил присягу. Император, присягнувший трудовому народу? Ну что же, тем хуже для народа нетрудового! Разберемся, как говаривал покойный отец, засучивая рукава перед входом в полицейский околоток.

Рука непроизвольно потянула из ножен шпагу. Клинок блеснул в неверном свете, будто подмигивая и спрашивая: «Ну, когда же пойдем резать буржуев, государь?»

Ответить не успел – возникший и сразу же оборвавшийся крик в примыкающем к спальне коридоре заставил резко обернуться к дверям. И сразу – гомон голосов, распахнувшиеся от сильного толчка створки, сверкание обнаженного оружия. Меня пришли убивать? Вот эта немецкая сволочь пришла меня убивать?

– Государь, вы перестали царствовать! – Глаза графа Палена лихорадочно блестели, а винный дух шибал и за пять разделяющих нас шагов. – Император – Александр! По приказу императора мы вас арестуем!

Ну ни хрена себе концерт по заявкам тружеников тыла, как выражался гвардии капитан Алымов!

– Ордер покажи.

– Орден? – переспросил любезнейший Петр Алексеевич и отчего-то смутился. Наверное, думал, я не знаю о его масонских шашнях? – Извольте отдать шпагу! Государство переполнилось мерзостью вашей тирании и не желает больше терпеть сумасшедшего на троне.

Ага... а старая шлюха-мужеубийца вполне устраивала?

– Да что ты с ним церемонии разводишь, граф? – Новое действующее лицо было изрядно пьянее и соответственно решительнее. – Пускай отречение подписывает!

– Платоша, тебя ли вижу? И братца Коленку привел? – Стараюсь, чтобы в голосе моем звучало радушие и доброжелательности чуть больше, чем в них можно поверить. – А я вот, понимаешь, ночей не сплю, все ожидаю визита вашего бляжьего семейства. Небось к мамашке-то в кровать запрыгнуть не опоздали? Нехорошо, Платоша, очень плохо...

– Да ты... – взревел Зубов, и ранее-то не отличавшийся кротостью нрава, но был остановлен графом Паленом:

– Спокойнее, Платон Александрович! В сем деле горячность пагубна, – и уже мне: – Извольте отдать шпагу!

Придвинулись. Рыл десять, да еще за дверью слышны голоса. Если навалятся толпой, то просто затопчут на хер. И до сих пор не кинулись только из приличия – каждому хочется меня придушить, но стесняются лезть первыми, боясь показаться выскочками и торопыгами. Нет, уж всяко не сомнительная слава цареубийцы отпугивает. Что-то подсказывает – это настолько привычное дело, что ни внутреннего протеста или какого-либо замешательства не вызовет.

– Шпагу, говоришь? Ах, мин херц Питер, только из уважения к памяти прадеда, чье имя вы носите... – Пален улыбнулся, недослушав, и пошел вперед, протягивая руку: – Да, только из уважения вы не будете повешены!

Сильно отталкиваюсь от стола... клинок неожиданно легко входит графу в живот. Сейчас посмотрим, голубчик, чем ты нынче закусывал. Не хочет показывать – молча валится на бок, утягивая оружие за собой. Нет, друг ситный, так не пойдет!

Немая сцена. Что застыли, не ожидали подобной прыти от придурковатого императора? Для надежности упираюсь ногой Палену в грудь и выдергиваю шпагу. Вовремя – успел подставить под опускающийся палаш. Ур-р-р-оды, никакого почтения – царей убивать и так грех большой, а уж в капусту рубить... Чай, не в лихой кавалерийской атаке. Кто это, не Федор ли свет Сергеевич? И не сидится дома трухлявому пеньку?

Старый-то он старый, но удар Борятинского заставил отступить назад, к столу. Я не великий полководец, мне ретираду совершить не зазорно. Левая рука нащупывает графин. И тут же противник едва успевает уклониться от летящего в лицо хрустального снаряда, доставшегося стоящему позади генералу с мясистым красным носом. Точное попадание в лоб – осколки брызнули немногих хуже гранатных, с меньшим, правда, ущербом для неприятеля.

Зато удивил. И даже, кажется, остановил. По-моему, неожиданный отпор и внезапная гибель Палена несколько остудили пыл заговорщиков. Впрочем, не стоит себя обманывать: обратной дороги у них нет.

– Навались! – орет Зубов.

Опомнились, стяхнули наваждение... храппайдолы!

– Платоша, а не угостить ли и тебя горячительным? Али табачку на понюшку?

– Убью!

Не убил. Застыл, широко открыв рот, когда от дверей раздался спокойный голос поручика Бенкендорфа:

– Товсь! Цельсь! Пли!

Однако против лома нет приема. Особенно если этот лом мелко порублен и заряжен в гвардейскую фузею образца тысяча семьсот девяносто восьмого года. Шучу, конечно, но там калибр таков, что вполне можно и картечь горстями засыпать – палец пролезает. А бабахнуло не хуже «катюши» – спальню заволочло дымом, сквозь который доносились крики раненых и уверенные команды Александра Христофоровича:

– Скуси! Забей! Товсь!

Пользуясь всеобщей суматохой, на всякий случай лезу под стол. Оно мне нужно, пулю от своих схлопотать? А если назвать это военной хитростью и отступлением на заранее подготовленные позиции, так вовсе выглядит не благоразумной осторожностью, а чуть ли не безрассудным геройством.

Но место занято – кто-то в парадном мундире (под рукой чувствуется жесткое золотое шитье) отталкивает меня и не пускает прятаться. Что же за скотина такая? Бью наугад обутой в тяжелый ботфорт ногой. Раз, другой... на третий ногу перехватывают и резко дергают на себя. Валюсь навзничь, крепко приложившись затылком о паркетный пол так, что искры из глаз да шпага вылетела из руки и укатилась в неизвестном направлении, и тут же сверху наваливается

громадная туша. Мало того, что душит, так еще и царапает шею камнями повернутых внутрь перстней.

Пытаюсь отбиться, но противник явно сильнее. Ах ты, фашистская сволочь... Впивше-ся в ляжку сквозь кожу лосин что-то острое побуждает к действию – очень не хочется поми-рать раненному в задницу. Тыкаю обоими указательными пальцами туда, где по блеску угады-ваются глаза... Правым попал, да так, что на лицо плеснуло липким и горячим. И уже можно освободиться, вздохнуть и встать хотя бы на четвереньки.

Еще залп! Пули хлестнули по окнам, и поднявший шторы холодный мартовский ветер задул свечи. Дым, впрочем, тоже развеял, что стало заметно после того, как внесли несколько зажженных факелов. А стреляют-то солдатики хреново – из десятка заговорщиков лежат лишь пятеро, причем троих могу с гордостью записать на свой счет. Поднимаюсь с колен, пока никто не обратил внимания на пикантную позу, и стараюсь принять величественный вид.

– Поручик, тебе тоже не спится? Согласись, в этой ночи есть какая-то томность.

Сказать, что Бенкендорф выглядел удивленным, – ничего не сказать. Не удивленным, скорее, стукнутым пыльным мешком по голове. И лицо являло сложную гамму чувств, а чо, как настоящий буржуй, я теперь и в фортепьянах разбираюсь, – от облегчения при обнаруже-нии меня живым и здоровым до некоторого разочарования. Неужели он огорчился невозмож-ностью свершить праведную месть за невинно убиенного государя?

– Ваше Императорское Величество!

Возгласу поручика вторит звон. Звон оружия, брошенного заговорщиками на пол. Вик-тория? Да, она, но только с тыльной стороны, с той, где спина теряет свое благородное назва-ние. Так что рано еще праздновать, вот кое-что сделаем, и уж тогда...

– Солдаты! Братцы! Орлы! – Гренадеры вытянулись по стойке «смирно», хотя, казалось, более некуда. – Да, орлы! Но не солдаты-победители... Почему на поле боя оставлен враг, не желающий сдаваться?

Не понимают, лупают оловянными глазами и молчат. Ладно, попробуем зайти с другой стороны.

– Вы разве не видите, что подлый супостат упорствует и по сию пору не сложил оружия? Тому ли учил чудо-богатырей генералиссимус Суворов? Не слышу ответа, господа офицеры!

Взгляд правофлангового, усатого детины лет тридцати пяти с пройдошистой рожей рот-ного старшины, мигом приобрел осмысленное выражение. Покосился на меня, на лежащие шпаги...

– А хуле теперя! На штык их, робяты!

Управилась меньше чем за минуту. Слегка погрузневший Бенкендорф подал шпагу, потерянную мной в героической битве у стола.

– Спасибо, поручик. О чем печалишься?

– Простите, государь, но я так и не смог выполнить ваше приказание.

– Какое?

– О проведении политинформации. Не зная, что сие из себя представляет, я взял сме-лость...

– Пустое, ты все правильно сделал.

– Да?

– Ну, конечно же. Настоящая политинформация – суть объяснение подчиненным подлой природы врага, определение врага на сегодняшний день с государственной точки зрения и, главное, объяснение, почему уничтожение супостата является благом не только для державы, но и для каждого солдата по отдельности. Ты прекрасно справился, Александр Христофоро-вич, проявив разумную инициативу, соответственно должен быть вознагражден.

– Ну что вы, государь, не за награды... – слишком ненатурально начал отнекиваться Бен-кендорф.

– Верю, конечно, верю, что движимый исключительно помыслами о благе Отечества... – чего я несу, он же немец? – Да, Отечества!

Кончик шпаги упирается в грудь лежащего без памяти генерала, получившего графином в лоб.

– А вот скажи мне, поручик, каким манером сей мерзавец похитил твой орден да себе нацепил? Изволь исправить недоразумение и не допускать подобного впредь!

Бенкендорф присел на корточки и дрожащей рукой потянулся к звезде Георгия второй степени. Остановился, недоверчиво подняв голову:

– Государь, но он же генеральский?

– И чего? Зато будет куда расти и к чему стремиться. Карьеризм, братец, подобен елдаку! У каждого офицера быть непременно должен, но показывать его на людях неприлично. Но мы тут все свои, не так ли? Не стесняешься же ты в бане?

Оставив свежего кавалера радоваться награде, обращаюсь к солдатам, тьфу, то есть офицерам:

– Ну что, господа лейб-камpanцы, каковы ваши дальнейшие действия? Вот ты, что скажешь? – Палец указывает на гренадера, первым пошедшего в штыковую.

– Сергей Викторов Акимов! – представляется тот.

– Викторович, – мягко поправляю.

– Так точно, Ваше Императорское Величество!

– И?

– И бить врага далее, покуда не опомнился! Пленных допросить, да и раздавить змеиное кубло разом.

– У нас есть пленные?

– А как же! – ухмыльнулся Акимов. – Господин поручик изволили сюда полкового командира принести.

– Депрерадовича?

– Так точно! Господин полковник хотели помешать нашей роте на полиформации следовать, так его... того...

– Где он?

– Да там, под диванчик положили.

Не успел я отдать приказание, как за спиной послышался хлесткий звук удара и возглас Бенкендорфа:

– Кусаться вздумал, сучье вымя? Так сейчас и вторую ногу выдерну.

Оборачиваюсь – поручик трясет укушенным до крови пальцем, другой рукой выворачивая пленному ухо. Только что замечаю некоторое несоответствие, ранее пропущенное мимо внимания, – у того всего одна нога. И какого черта, прости Господи, на костыле сюда приперся? В прошлых снах этого инвалида не встречал. И кто же таков?

– Александр Христофорович, голубчик, ты точно ему ничего не оторвешь? По «Уложению», конечно, четвертование полагается, но давай дождемся приговора трибунала. И вот тогда милейшего генерала... э-э-э...

– Зубова, государь!

– Что, опять Зубов? Когда же они кончатся?

– Брат вот этих самых. – Бенкендорф кивает в сторону душившего меня одноглазого исполина, милосердно добитого штыком, и еще одного, с развороченным пулей лицом. Интересно, как опознал? – Надо бы все их семейство пощупать, государь.

– Дело говоришь. Акимов!

– Я, Ваше Величество!

– Полковника тащите сюда, и поможешь поручику допросить обоих. Только ласково, а то ведь вы, ироды, и для эшафота ничего не оставите. И пару пистолетов мне раздобудь.

– Сей секунд, Ваше Императорское Величество!

А сам подмигивает с таинственным видом, будто выпить тишком от жены приглашает. Что за секреты такие? Отвожу гренадера в сторону:

– Ну?

Тот мечтательно закатывает глаза:

– Намедни довелось такую пару видеть, что лучшей во всем Петербурге не сыскать...

– Так принеси.

– Тут такое дело, Ваше Императорское Величество... они работы самого Симона Норча, и...

– Да хоть работы капитана Мосина! Царь я, или хрен собачий? Если лучшие, то должны быть у меня!

– Разрешите взять с собой еще роту семеновцев?

– Один не донесешь?

– Но ведь...

Некогда слушать объяснения – махнув рукой, отпускаю Акимова, вручив в качестве мандата и подтверждения полномочий золотую табакерку с собственным портретом на крышке. В смысле, с портретом Павла. А что, не хуже любого удостоверения личности – вряд ли у кого достанет духу сомневаться в предъявителе сего.

Как там наш предобрейший Валериан Александрович поживает? Явно не хуже братьев, те вообще никак не поживают. Но морду графином разнесло так, что не только мне, и родному папаше мудрено было бы узнать. И если давеча в слабом свете свечей лицо показалось знакомым, то сейчас... маска, на которой кровь перемешалась с пудрой и румянами. Говорит еле слышно, слова скорее угадываются по движению губ, но допрашивающий Зубова Бенкендорф вполне разбирает, знай себе чиркает перышком по бумаге ровным изящным почерком, умудряясь не посадить ни единой кляксы.

Протягивает лист:

– Вечор о том и хотел доложить, государь! Кабы изволили выслушать...

Что там? По мере чтения холодеет спина, но в груди разгорается горячая, но спокойная ярость. Именно так, хотя и не знаю, как это сочетается между собой.

– Не врет? Полковника допрашивал?

– Еще сразу после ареста, государь, вот его листы. Потому и поспешил на... э-э-э... на выручку.

Хреново, все настолько хреново, что хочется плюнуть на все и отдаться на волю судьбы. Хотя... да, большевики не должны ждать милостей от природы!

– Поднимай полк, Александр Христофорович.

– Но ведь я...

– Про елдак помнишь? Справишься – быть тебе к утру полковником! Сомневающихся и колеблющихся вязать, сопротивляющихся на штык, верным – следующее звание и монаршая милость. Выполнять!

– Извините, государь, а...

– Списки у тебя есть? О выполнении доложишь.

– Давай! – Верные гвардейцы, отрабатывая пожалованный офицерский чин, разбегаются и с размаху бьют в дверь массивным буфетом карельской березы. Грохот, звон стекла, щепки в разные стороны... Вообще-то тут не заперто, да и открывается в другую сторону, но очень уж хочется предстать перед блудным сыном в виде гневающегося Зевеса – в громе и молниях. Верещит затоптанный лакей, тонко визжит женщина... Странно, ни единого слова не произнесла, а немецкий акцент чувствуется.

Александр не спит и, как ни удивительно, одет. Впрочем, после побоища в моей спальне чуть ли не половина столицы должна проснуться. Стоит бледный, сжимая шпагу и с решимостью глядя на вскинувших ружья к плечу семеновцев. Я захожу нарочито неторопливо, и он вздыхает с видимым облегчением:

– Так это не... Я арестован, Ваше Императорское Величество?

– Нет, бля, пришел тебя в афедрон поцеловать. – Эта орясина вымахала выше головы на две, поэтому до морды достать и не пытаюсь, попросту бью ногой по обтянутым лосинами... Господи, аж у самого мороз по коже!

Гвардейцы деликатно отворачиваются в твердой уверенности, что их императору уж точно ничего более не грозит. Хватаю сына (сына? а ведь в самом деле...) за воротник и подтягиваю поближе, заглядывая в побагровевшее от сдерживаемых боли и крика лицо:

– Отцеубийством решил развлечься, сучонок?

– Государь...

– Заткнись! Бабка твоя мужниными костями трон выстелила, чтоб сидеть помягче было, так по ее стопам пойти захотелось? В глаза смотреть!

– Я...

– Ты! Накося – выкуси! – Кукиш плющит нос Александра, придавая фамильные черты. – И уйми эту дуру, наконец.

Визг моментально прекратился – утонченная немецкая натура жены наследника не выдержала русской грубости и предпочла упасть в обморок. Подглядывая, впрочем, одним глазом.

– Лиза!

– Молчать! На козе женю Иудушку!

– Государь, позвольте сказать...

– Не позволю! Или нет, говори... Да, не поговорить ли нам о судьбе Алексея Петровича? Или про то, как Иоанн Васильевич...

Сзади шум. И голос:

– Простите его, Ваше Величество!

Оборачиваюсь – вот только императрицы Марии Федоровны нам и не хватало. Что тут можно сказать – семейный праздник удался на славу.

Документ 4

Заздравный орел. Сочинение Гавриила Державина на победу над злодеями в «Ночь булатных штыков».

По северу, по югу
Велик орел парит.
К врагам суров, но к другу
Всегда благоволит.
О, исполать, ребята,
Вам, русские солдаты!
Что вы неустрашимы,
Никем непобедимы.
Повержен грех Иудин
Булатными штыками.
За здравье ваше пьем!
Нет справедливей судей,

Чем тот баталлион.
О, исполать вам, вои,
Бессмертные герои!
Вы в мужестве почтенны
И в битве дерзновенны,
За здравье ваше пьем!

Глава 3

Ну и ночка выдалась, скажу вам, только врагу и пожелаешь. Честное слово, в августовском наступлении легче было. Там все понятно – враг впереди, рядом и сзади только свои. А тут... гадюшник, и я посредине. Похожее было в начале мая двадцать четвертого года, когда наш отряд в Керженских лесах попал в засаду.

Что, разве еще не рассказывал про буйную молодость? Было, было... В руке «маузер», в голове ветер, в заднице шило... Да в ЧОН, почитай, все такие были, не исключая командира. Ну и вломил нам крепко протопоп Аввакум, окружив всей бандой в заброшенном скиту. Нет, конечно же, не настоящий, просто кличка такая. Как жив остался – не знаю.

Не знаю и сейчас. Всю ночь какая-нибудь сволочь обязательно изъясляла желание убить меня разнообразными способами. Сначала в спальне, потом, когда не получилось, на площадь Коннетабля через мосты появились в полном составе сразу два полка – Преображенский да Измайловский, традиционные бунтовщики. Пришли и встали. М-да... хорошо, что здесь не принято царские дворцы штурмом брать. Если бы пошли на приступ... Ну полсотни, пусть даже сотню смогли бы перещелкать охотники со штуцерами, занявшие позиции у окон, а дальше?

А дальше стало легче – в тыл мятежникам зашли неизвестно откуда появившиеся гатчинские егеря при двенадцати орудиях, что позволило разрешить ситуацию полюбовно. Да, и где теперь взять столько офицеров на открывшиеся внезапно вакансии? Жестокий век, жестокие нравы – ведь говорил же и просил быть милосердными хотя бы до суда.

К утру внутренний плац более всего походил на смешение тюрьмы с чумным баракком – то и дело появляющиеся с добычей семеновцы и подключившиеся к потехе конногвардейцы приносили новых арестантов и, не церемонясь, просто бросали связанными в общую кучу. Далее уже распоряжались солдаты запятнанных было изменой полков, сортируя пленных по рангу и чину.

– Смотри, ты этого хотел? – От звуков моего голоса Александр вздрагивает и непроизвольно закрывает руками ушибленное место.

– Я не думал...

– Вот и хреново, что не думал. Гляди, гляди, цвет армии у ног наших... генералов только два десятка... А если завтра война? Я чем, жопой твоей воевать стану? Так ведь и ей нельзя, тебе же думать нечем будет.

Совсем застращал парнишку. Ничего, оно даже полезно, чай, не बारे какие... Ах да, *pardone mois*, они самые и есть, причем наиглавнейшие. Ладно, хватит кнутов, переходим к пряникам.

– Ошибки исправлять будешь, понял? – Вытянулся и не перебивает. – После разбирательства зачинщиков на плаху отправим, без этого нельзя, а остальных под свое начало возьмешь. Да не радуйся еще, дурень. О званиях и орденах забудь – лишен и разжалован. Чего моргаешь, скажи спасибо, что не до рядового.

– А...

– Молчи. На престол хочешь?

Александр опешил от неожиданного вопроса и не сразу нашелся с ответом:

– Только после вас, Ваше Императорское Величество.

– Именно, Сашка, именно так! После, а не вместо. Но я не тороплюсь – лет через пятнадцать, коли до генерала дослужишься, вернемся к этому разговору. Пока же иное – заберешь все вон то гвардейское отребье, штафирками разбавишь и сделаешь из них солдат. Как – сам думай. Теперь ступай, господин прапорщик. Да, еще... не заставляй меня жалеть о допущенной мягкости. Иди.

Побрел, по-стариковски шаркая ногами и с опущенной головой. Сделав несколько шагов – обернулся:

– Граф Панин был вызван из Москвы и является...

– И является покойником! Нету больше твоего графа, весь кончился – семеновцы порешили впопыхах, даже допросить толком не успели.

Едва он ушел, как тут же явился поручик Бенкендорф, вооруженный громадной папкой для бумаг, внушающей почтение всем своим видом. И настроение имел Александр Христофорович несколько подавленное. Неужель не развеялся за ночь?

– Государь, должность статс-секретаря подразумевает...

– Вздор! Здесь только я могу чего-либо подразумевать. И ты тоже, но гораздо меньше. Вот почто твои мерзавцы вице-канцлера удавили? Кто указы писать теперь будет, а?

– Так ведь сопротивлялся!

– Да? И лицом о стену пытался убиться? Каков негодяй! Все, возражений более не потерплю, и мозги мне е... хм... пудрить прекращай! Пиши!

Поручик тяжело вздохнул, выудил из недр бездонных карманов походную чернильницу да гусиное перо и изобразил внимание. Что же, с него, пожалуй, и начнем.

– Готов? Пиши, голубчик... Сего дня, дату сам поставь, года тысяча... это тоже сам, чай грамотный, повелеваю. Что, титулование? Его, давай, опустим. Как нельзя? Хорошо, пусть будет просто – Император Всея! Нет, уточнения не надобны, дабы потом не пришлось каждый раз дополнения вносить.

Корябает, да так ловко! Неплохого, однако, немчика себе нашел – аккуратный, сообразительный, в меру честолюбивый и не без инициативы. Ну, вылитый особист.

– Так, далее пошли. Назначить полковника Бенкендорфа Александра Христофоровича, год рождения укажи, командиром особой лейб-гвардии Павловской сводной дивизии, точка. Оклад содержания определить в соответствии с... Тебе сколько денег надобно?

– Государь...

– Крепостных не дам, и не проси, самому нужнее. Ладно, пиши далее: оклад содержания определить в разумных пределах, ограниченных целесообразностью. Опять точка. Приступить к исполнению обязанностей оному полковнику... Когда сможешь?

– Я – тотчас, Ваше Императорское Величество!

– Нет уж, погоди, сначала с бумажными делами покончим. Давай-ка следующий лист. Ну? Что бы еще такого указать в письменном виде? Ага, придумал.

– Указ о раскулачивании участников вооруженного мятежа... Постой, что значит «подвергнуть злодеев кулачному битию»? Я для кого диктую? Нет, так не пойдет, переписывай.

– Но, Ваше...

– И не спорь. Указ о конфискации имущества недвижимого, движимого, включая украшения и носильные вещи, а также деревень, душ крестьянских и прочего, в Указе сем не упомянутого, но подлежащего изъятию. Списки, кстати, готовы?

– Составляются, государь.

– Ага, как закончат, все перебелишь и мне на утверждение.

– Будет исполнено!

– И найди, наконец, Акимова! Где обещанные пистолеты? Как голым хожу, ей-богу.

Я – бюрократ! Настоящий махровый бюрократ без подмеса. Вывод сей сделан из испытываемого при составлении бумаг несказанного удовольствия. Пара надиктованных второпях указов наполнила грудь великой радостью, сравнимой разве что с восторгом при командовании парадом. М-да... ну и привычки достались в наследство. Но, по правде сказать, изживать их рано, тем более текущий момент требует... требует... точности, вот чего он требует. Помню,

капитан Алымов как-то говорил, только шепотом и оглядываясь по сторонам: «Коммунизм, товарищи красноармейцы, это не только советская власть плюс электрификация всей страны, но прежде всего – строгая большевистская отчетность».

И где же раздобыть человека для такой отчетности? Новоявленный полковник, при всех его достоинствах, не подходит совершенно – молод, романтичен, в голове звон шпаг и марши будущих побед. А вот сыскать кого с чернильницей вместо сердца... Память услужливо подсовывает образ холеной морды, лучащейся приветливостью и некоторым самодовольством. Лексан Борисыч? Ну уж нет – князь Куракин, как кажется, не задолжал только нищим на папертях, да и то по причине пренебрежения медными деньгами. Такой не токмо Родину, но и меня продаст с потрохами, коли цену дадут. Надо, кстати, разобраться... вот отчего милейший друг детства проигнорировал приглашение на вчерашний ужин в узком кругу? Знал и списал со счетов? Вот сука!

– Так в точности и передам, Ваше Императорское Величество!

– Что? – я в недоумении обернулся к прапорщику новой лейб-кампании, еще одетому в солдатский мундир, но с офицерским шарфом. – Что передашь?

– То, что Ваше Императорское Величество изволили отказать княгине Анне Петровне Гагариной в аудиенции по причине... Прошу прощения, государь, про самку собаки ей тоже говорить?

Ну ни хрена себе через две коряги об пень и три раза по столу! Я уже вслух думать начал? Осторожнее, Павел Петрович, ведь обязательно поймут неправильно.

– Передай Аннушке... твою мать... то есть княгине, что видеть ее более не желаю! И какого... хм... почему она не в Милане?

– Не могу знать!

Он не может... а я? Я могу? Все же могу – память вновь заявляет о себе, но давлю не вовремя проснувшееся чужое чувство. Аннушка, милая Аннушка... Мое? Цыц, кобелина проклятый! Десяток детей, на башке лысина, а туда же?

– В шею гони, прапорщик! К чертям собачьим! Чтобы ни одной бабы тут не было!

– И меня, Ваше Величество? – Тихий голос за спиной наполнен непонятной грустью.

Это кого нелегкая принесла? Как флюгер – туда-сюда все утро кручусь. Но тем не менее обращаюсь на знакомые интонации. Маша?

– Сударыня? – Императрица... жена... не похожа на ту, но что-то... Стоит, улыбаясь робко и виновато, будто извиняясь за ночную истерику у разбитых дверей в спальню старшего сына. – Извольте вернуться в свои покои.

– Государь, вы тут... – Волнуется? – Холодно нынче, вот возьмите...

Только сейчас ощутил озноб. Он появился как-то разом, не замеченный ранее из-за напряжения и общей взвинченности.

– Спасибо, – протягиваю руку за теплым плащом с меховой подкладкой и соприкасаюсь с ее рукой. – Спасибо, душа моя.

Улыбка ярче. И этот болван мог думать о других женщинах?

– Я беспокоилась. Ночная стрельба, вы появились и снова исчезли, караул не выпускал... Я боялась за вас.

Бенкендорф успел выставить охрану? Незаменимых людей не бывает, но у Александра Христофоровича, судя по всему, есть все предпосылки стать первым таким.

– Спасибо. – Сил нет отпустить узкую горячую ладонь. – Спасибо, Маша.

– Вы изменились, Ваше Величество.

Чертова женская пронизательность! Разглядела то, в чем и сам еще не разобрался. Что ответить? Да, дорогуша, я не император, а боец Рабоче-крестьянской Красной Армии, и поэтому вместо менуэта с гавотом мы спляшем кадрили под гармошку – так?

– Что это мы как немцы? Давай уж за-свой, чай, не один год вместе.

Оказывается, у нее такие красивые глаза! Особенно сейчас, широко распахнутые от глубочайшего изумления. И опять улыбка тронула губы.

– Нет, уже не немцы. И ты стал другим.

– Это только кажется.

Мария Федоровна не находит ответа, только вздрагивает от звуков ударов, раздаваемых гренадерами особо строптивым арестантам. Плащ сам собой оказывается на ее плечах.

– Замерзла совсем?

– А ты?

– Пустое... Так, может, чайку прикажем?

– Господи! – знакомо всплеснула руками. – Поди, с вечера голодный!

И засуетилась в извечной женской заботе – накормить вернувшегося домой мужчину. И неважно, с войны ли, с работы ли...

Завтракали по-простецки, чуть ли не в походных условиях. Видимо, повара или разбежались, убоявшись случившихся событий, или обленились до такой степени, что прямо вот готовые кашевары в Сашкины штрафные батальоны. Впрочем, я и в прошлой жизни, в том смысле – в настоящей жизни, едок непереборчивый, а после бурно проведенной ночи и вовсе могу хоть собаку съесть. Лакеев прогнал, нечего нарушать некоторую доверительность обстановки, провожая взглядом каждую отправляемую в рот ложку. Пусть и смотрят со спины, но не люблю. Справлюсь сам, чего уж тут. Да и стол почти пустой: горячих всего два – щи да суп, два холодных, четыре соуса, два жарких, пирожных два сорта, десерт... А конфеты? Где, спрашивается, конфеты? Мне за дамой ухаживать, а скотина-кондитер не озаботился приготовить сладкого? В Сибири сгною паскудника!

– Павел?

– Да, душа моя?

– У тебя так переменялось лицо...

– Вздор!

– Вот опять! Ты каждый раз другой.

– И который лучше?

– Не знаю, просто вдруг глаза становятся такими... не знаю, как сказать...

– Добрыми? – пытаюсь свести разговор к шутке.

– Добрыми, – соглашается она без всякой веселости. – И мудрыми. Даже немного грустными. Так смотрят люди, видевшие смерть.

Вот оно что... глаза – зеркало души. А кто я есть теперь, кто через них смотрит? Я – рядовой Романов, которому снится жизнь императора, или же император, в сумасшедшем мозгу придумавший страшное светлое будущее со страшной войной? Ответа нет. Есть? Я – Павел Первый! Павел Первый с половиной... Еще бы узнать, какая из половин настоящая.

– Так видел.

– Кого?

– Ее, смерть. Вот представь – меня вчера убили.

– Не говори так!

– Да-да, убили. Нет прежнего Павла, того, что был когда-то. А новый... новый только рождается. Как водится – в крови и муках.

В ответном взгляде вместо ожидаемой жалости к убогому – неожиданное понимание.

– Расскажи.

– О чем?

– Какая она, смерть? Безносая старуха с косой, да?

– Ну почему же? Вполне приличная молодая леди.

– Леди?

Почему я так сказал? Да первое, что в голову пришло, и сказал. Поправляться не буду.
– Мне так показалось. Было в ней что-то английское.

– Леди, значит, – повторила в некоторой задумчивости. – У твоей смерти английское лицо...

Если бы только такое! В виденном мной будущем оно еще и немецкое, австрийское, румынское, итальянское – разное. И это не считая прочей швали. А тут всего-то делов – англичанка гадит. Естественное состояние, она разве когда-то умела иначе? Ничего, вот уж Платов доберется до Индии, возглавив национально-освободительную войну угнетенных индусских ширнармасс против британского колониализма, мало не покажется. Арестованные в русских портах корабли – еще цветочки...

– Ваше Императорское Величество!

Ну нельзя так орать над ухом, когда я кушаю. Заикой стану или, более того, подавлюсь, и осиротеет держава.

– Чего тебе, прапорщик?

Офицер из вновь произведенных лейб-кампанцев щелкнул каблуками башмаков:

– Там это... – запинаясь, не зная, как объяснить. – Александр Павлович спрашивают дозволения войти. Попрошиться хотят.

– Зови.

Вот и очередная семейная сцена назревает, с теми же действующими лицами, но без посторонних.

– Ты был с ним суров. – Мария Федоровна ни единым словом не упоминает об устроенной в защиту старшего сына истерике. – Не жалко родную кровь?

Сказать – не, не жалко, и что только армия сможет сделать из него человека? Не поймет и обидится.

– Так нужно, душа моя. Запах пороха быстро выветрит из головы вольтерьянскую дурь, а звон шпaga и пушечный грохот вообще несовместимы с бредовыми идеями господина Руссо.

Александр вошел и остановился на пороге, то ли ожидая особого приглашения, то ли демонстрируя покорность воле отца-самодура, то ли оценивая эффект, произведенный новым нарядом. По мне, так нормально смотрится. Может, и самому переодеться во что-нибудь казацкое? Мягкие сапоги вместо говнодавов с голенищами выше колен, широкие шаровары... точно, а то из-за натертых лосинами ляжек хожу враскорячку. Кафтанчик тоже ничего, только серебряные пуговицы заменить костяными, чтобы снайперы... Ах да, откуда здесь снайперы!

– А ну, повертись, сынку, какая смешная на тебе свитка!

Сын захлопал глазами. Видимо, готовился ко всему, вплоть до разноса по поводу отсутствующего парика с буклями, но не насмешки. Мальчишка, хоть и давно женатый, все хочется убедить родителей в способности принимать самостоятельные решения. Одобрительно хлопаю его по плечу, для чего пришлось встать из-за стола и привстать на цыпочки:

– Орел, мать твою! Машенька, это не тебе. С чем явился?

– Вот, Ваше...

– Титулование для парадов оставь. Ну?

Протягивает сложенный вчетверо лист бумаги:

– Прожект арестантского батальона, государь.

– Штрафного, Сашка, штрафного! – и объясняю уже помягче: – Мы же людям даем возможность искупить, так? И зачем им потом всю жизнь носить титул арестанта?

– Но позвольте... – вскидывает белокрысую голову.

– Не позволю! – Пробегаю глазами бумагу. – Зачем тебе старые казацкие «сороки»? Вычеркиваем. Твое дело не в осадах сидеть да приступы отражать, а... хотя... Ты чухонцев любишь?

– В каком смысле?

– В самом прямом. Забирай свое каторжное войско да отправляйся в Ревель – будешь учиться морской десант отражать. В Ревель, я сказал! Чтобы через неделю в Петербурге ни одной сволочи не было! Указ напишу, да... И на эскадру напишу, пусть помогут немного.

– Государь, но Ревельский порт еще во льду.

– Как так? Кто позволил? – Смотрит, как на последнего дурачка. Ладно, для пользы дела можно и подыграть самую малость: – Лед сколоть, и в Сибирь! Во избежание его возвращения установить батареи на... ну, там сам разберешься. Всякое иностранное судно, военное или купеческое, подлежит немедленному аресту как возможный пособник неприятеля.

– Льда?

– Кого же еще? При сопротивлении – уничтожить!

Убежал окрыленный. Мне бы в его возрасте кто сказал – топи всех, а Господь разберется... Эх, чувствую, не избежать потом дипломатических скандалов, если намнет копчик какому-нибудь нейтралу. А плевать на англичан, и свалю, не все же им с больной головы на здоровую перекаладывать.

– Павел?

– Да, дорогая?

– Ты ведь это не всерьез?

– Насчет чего, льда или Сашки?

– Того и другого.

За стол уже не хочу, потянет в сон, а спать пока некогда. Неторопливо прохаживаюсь по столовой, заложив руки за спину, и стараюсь не оскользнуться на натертом до сияния паркете. Объяснить ей?

– Знаешь... просто боюсь.

– Чего?

– Английских ушей в окружении Александра. Нет, конечно же, там шпионы толпами не ходят, самое обидное – не предадут и не продадут, просто ляпнут ненужное в неподходящем обществе. Англومانь, франкофилы, германолюбцы... бывают такие? Уроды, одним словом: ради желания понравиться иноземной сволочи наизнанку вывернутся. Ага, загадочная русская душа... бля...

– Не понимаю.

– И не нужно. Пусть считается моей придурью.

– Но это не так!

В уме не откажешь. Или в обычном женском тщеславии – кому охота быть замужем за идиотом? Хотя они в большинстве случаев именно таковыми мужчин и считают, но в глубине-то души надеются на обратное!

– Конечно, не так. Но об этом – молчок.

Утро закончилось, и новый день принес сотни новых забот – казалось, здесь даже птички не гадят без высочайшего на то соизволения. Чего проще – накормить солдат, со вчерашнего вечера перебивающихся сухарями с ежечасно подносимой чаркой? Нет, нужно лично бить морды, снисходя с заоблачных высот до мерзостей обыденной жизни. Мордобитие в коей-то мере подействовало, и плац затянуло дымком от костров. Форменное безобразие и нарушение всего что можно, но кухня не справляется, и над огнем в больших котлах готовили баланду для арестантов – морить их голодом не входило в мои планы.

А какие они вообще, эти планы? Знать бы еще самому... За что ни ухватись – под пальцами расползается, подобно гнилому сукну. Оставила мамаша наследство: воры, бездельники, лихоимцы, казнокрады, пьяницы. Одним словом – безродные космополиты, прости, Господи. И какая сука рассказывала когда-то о беззаботной жизни царя-самодержца, сидящего на троне

с единственной целью – угнетать да закабалить? Еще неизвестно, где легче, в поле с сохой или во дворце. И где безопаснее.

– Ваше Императорское Величество! – Ну вот, опять кому-то понадобился. – Ваши пистолеты, государь!

Документ 5

«Августѣйшій Императорь! Государь Всемиловѣйшій!

Воспяти солнце во днехъ Езекии и приложи житія Царевн. Ты, благодѣтельное свѣтило Россіи, озаряя нынѣ насъ животворнымъ возрѣніемъ Твоимъ, и чрезъ то въ Тебѣ самомъ возвращая удаляющееся отъ насъ солнце, прилагаеши намъ житія. Обновляется жизнь наша, и новая къ просвѣщенію въ сердцахъ нашихъ воспламеняется ревность. Отсель паче и паче процвѣтеть сей малый ученія вертоградъ, разбогѣють красная его и потекутъ ароматы его.

Такъ вы, юные крины сего счастливаго вертограда, молодые питомцы наукъ! взывайте: стани солнце наше, теки по пути мудраго Твоего Царствованія, да будетъ исходъ славы Твоя отъ края небесе; да царствуетъ съ Тобою въ непрерывномъ здравіи и благоденствіи дражайшая и вселюбезнѣйшая Супруга Твоя, со всѣмъ Августѣйшимъ домомъ».

(Резолюция рукой императора – «Денег дармоедам не давать. Павел».)

Глава 4

Неужели принесли пистолеты? Вот, ей-богу, безоружным как без штанов себя чувствовал. Шпага не дает той уверенности, да и фехтовальщик из меня, честно признаться, никудышный. Против офицера с такой же зубочисткой еще потяну, но обученный солдат в штыковом бою шансов не оставит, тут к бабке не ходи.

– Вот! – Акимов протягивает оружие рукоятями вперед. – Насилу достал.

– Что же так? – Только сейчас обращаю внимание на слегка потрепанный вид прапорщика – шапка потеряна, неизвестно где добытый медальон висит криво, мундир порван в нескольких местах, рожа расцарапана. – Не кошки ли тебя драли?

– Никак нет, Ваше Императорское Величество! Пострадал при спасении аглицкого посланника от неизвестных злоумышленников, в знак благодарности вручившего сии пистолеты за мгновение до смерти!

– Не ори так, братец, совсем оглушил. И объясни – как же ты англичанина спасал, коли тот помер? Он, кстати, точно помер?

– Не извольте сомневаться, государь, мертвее не бывает. Его собственный секретарь и зарезал, сразу после того, как покончил с собою, не выдержав угрызений нечистой совести.

– Чего?!

– Виноват, Ваше Императорское Величество, конечно же, перед тем.

Смотрит честными глазами. Ну чисто агнец, только что заваливший и живьем съевший матерого волчару. *Casus belli* ходячий... Хотя что, собственно, изменилось? У короля много – так, кажется, говорят? И не думаю, что при наличии живого посла англичане отказались бы от намерений проучить северных варваров.

– Вас кто видел?

Взгляд прапорщика из уставного мигом стал осмысленным. Но что-то мнется, не решаясь говорить.

– Ну же?

– Разве мы бы посмели без приказа, Ваше Императорское Величество? Добром же хотели, деньги даже приготовили... А они на стук в дверь сразу стрелять начали – троих насмерть да двое ранены. Ну вот и разозлились ребята...

– А ты?

– И я разозлился. Виноват, государь!

– О вине после.

Оживился, неправильно поняв знакомое слово. Оно и верно, без стакана не разобраться в случившемся. Но попробуем. Итак, что мы имеем? А имеем неизбежную войну с Англией, страшно недовольной моим замирением с Бонапартием. Зачем я это сделал? Интересный вопрос, ответа на который память не дает – не иначе, встал в те поры с левой ноги или просто захотелось досадить памяти покойной мамы. Очень уж она негодовала, когда французы последовали ее примеру и уколошили законного монарха, укоротив его на голову. Огорчилась намеком?

– Далее сказывай.

Акимов, обманутый в ожиданиях, тяжело вздохнул и взмахнул рукой. По его знаку четверо рослых солдат с натугой поднесли ближе здоровенный ларец, почти что сундук, с висящими печатями.

– Вот прихватили...

– Что это?

– Не могу знать! Только...

– Ну?

– Кабы каверзы какой не было. А ну как порох внутри?

– А фитиль где и кто поджигать будет?

– А я бы пару пистолетов закрепил, и всех делов! – Потом спохватился: – Виноват, Ваше Императорское Величество!

Не верю. Ни этой плутовской морде не верю, ни в то, что англичанин решил обезопасить содержимое таким хитроумным способом.

– Тащите в мои покои да найдите кого-нибудь, кто открыть сможет.

Специалиста пришлось ждать долго, часа четыре. За это время успел изучить ларец снаружи до мельчайших подробностей, еще раз плотно позавтракать, подписать два десятка указов, касающихся конфискации имущества заговорщиков, отменить полсотни старых распоряжений и даже переодеться, сменив дурацкий немецкий мундир на нормальное одеяние. И почему раньше так не ходил? Молодой был, наверное, и глупый. А сейчас? Сейчас же из зеркала смотрел бравый казак неопределенного, но более чем среднего возраста, курносый, с лысиной ото лба и до макушки, да еще и небритый. Какая-то паскудная чахлая растительность топорщилась на подбородке редкими клочками, а будущие усы представляли собой более печальное зрелище. Срамота!

– Простите за задержку, Ваше Императорское Величество! – Явившийся Акимов вытолкнул вперед себя какого-то пожилого мужика. – Вот, механика привез.

Я еще раз бросил взгляд в зеркало и досадливо поморщился. Да, лучше и не сравнивать, а то от зависти разлитие желчи в организме случится – у привезенного специалиста борода чуть ли не до пояса дотягивает. И чернее воронова крыла, хоть владельцу ее всяко не меньше шестидесяти.

– К вашим услугам, Ваше Императорское Величество! – со степенностью и достоинством поклонился он.

– Врет, – громким шепотом прокомментировал Акимов. – Еле перехватить успел – уже и манатки собирал, намереваясь скрыться.

– Я не скрывался! – Механик запустил руку куда-то под бороду, видимо, во внутренний карман кафтана, и достал скрученную в трубочку бумагу. – Имел предписание...

– Дай сюда, – бесцеремонно, как и полагается самодурственному самодержцу, забираю документ. – Что у нас там?

Ага, вот... Не далее как перед Рождеством я самолично отставил господина Кулибина от места в Академии наук и повелел выматываться из славного города Санкт-Петербурга ко всем чертям собачьим. Нет, формулировка помягче, конечно, но смысл именно таков. А за что? Вот этого в бумаге не указано, просто предписывалось отбыть в Нижний Новгород, в Подновскую Слободу, и сидеть там до особого на то распоряжения. Лихо... ладно еще в Сибирь земляка не законопатил.

Земляка? А ведь точно! Там, в виденном мною будущем, я родился в Подновье. Или только буду рожден? Впрочем, неважно... Но хорошо помню и место, где стоял когда-то его дом, и школу, построенную заботами и хлопотами Ивана Петровича. Вот забавно – церкви в слободе нет и не было никогда, а школа есть.

– Ну и стоило так горячиться, господин Кулибин? – Бумага летит в растопленный по случаю холодной погоды камин.

– Так ведь приказ, Ваше Императорское Величество? – Тон более вопросительный, чем оправдывающийся.

– И что с того? А самому немного подумать? Коварный враг, пробравшийся к самому подножию престола, способен на любую подлость, дабы ослабить Государство Российское! В том числе и подобным образом – удаляя светлые головы, способствующие укреплению и

процветанию державы. Но сейчас, когда заговор изменников раскрыт и обезглавлен – да, обезглавлен! – не время лелеять старые обиды и верить клевете.

А ведь проникся Иван Петрович серьезностью текущего момента, даже пытается встать во фрунт, копируя манеры бравого гвардейского прапорщика. И одновременно польщен званием светлой головы.

– Акимов!

– Я здесь, Ваше Императорское Величество!

– Передай полковнику Бенкендорфу, чтобы виновный в подложном приказе граф Пален был непременно найден, арестован и наказан.

– Так ведь убит!

– Кто, Бенкендорф?

– Никак нет, граф Пален.

– Хм... ну мало ли в России графов Паленов?

Наконец-то до прапорщика доходит смысл моего подмигивания, и он с готовностью восклицает:

– Будет сделано, Ваше Императорское Величество! Дело государственное! Непременно подвергнем мерзавца арестованию! Разрешите исполнять?

– Ступай, братец. Да, и еще... распорядись там насчет... – Красноречивый жест понятен без дополнительных уточнений.

– Сию же минуту, государь!

Наврал, дверь распахнулась только через три минуты, и дежурный офицер торжественно провозгласил:

– Наркомовская чарка Его Императорского Величества!

Хм, и когда я успел такое ляпнуть? И вот поди ж ты, услышали и ввели в обиход.

– Заноси, – киваю и показываю на стол. – Только в следующий раз так не кричи, царя заикой сделаешь.

Лакеи, первыми уловившие новые веяния моды, все до одного сменили ливреи на вышитые рубахи, полосатые штаны и смазанные сапоги, немилосердно воняющие дегтем, и стали похожими на половых из трактиров моего будущего детства. Приходилось бывать с отцом на ярмарке у Макария, насмотрелся. И то, что они принесли на серебряных подносах, вполне соответствовало внешнему виду. Их и моему.

– Поставили? Все, проваливайте.

Кулибин улыбается с умилением. Ну да, по его староверским представлениям, именно так и должен вести себя природный царь-батюшка, изволивший захотеть жить по старине, без бесовских заграничных привычек и ужимок. Суров, но справедлив! Да, это про меня...

– Наливай, Иван Петрович.

Он взял графинчик, чуть помедлил и признался нерешительно:

– Я непьющий, Ваше Императорское Величество.

– Что, совсем? Грех-то какой...

– Совсем. – Кулибин с опаской перекрестился двумя перстами. – Тонкая механика не терпит дрожания рук.

– Вот как? – Я с некоторым сомнением оглядел тарелки с тонко порезанным окороком, ломтиками семги, крохотными, меньше мизинца, солеными огурчиками. В одиночестве пить не хотелось. – И не куришь?

– Человеку от Господа питания дымом не положено.

– А нюхать табак?

– И носом питания не положено.

– Ладно, неволить не буду. – Так и придется пить одному, как горькому пьянице. Эх, где наша не пропадала!

Не пропала и на этот раз – чистейшая хлебная слеза взбудрила, подстегнула утомленный бессонной ночью организм и заставила вспомнить о загадочном ларце английского посланника.

– Вот, Иван Петрович, взгляни. Гвардейцы мои опасаются заложенного взрывающегося механизма, если он там есть, конечно. Вот ты и должен определить. Ну и открыть, разумеется.

Механик, увидев вышеозначенный предмет, сразу подобрался, живо напомнив кота, засевшего в засаду у мышиной норки. Разве что коты не облизываются в предвкушении и не потирают радостно лапы.

– Забавная конструкция, забавная. – С этими словами Кулибин раскрыл принесенный с собой кожаный сундучок. – И очень напоминает польский подарок князю Шуйскому.

– Не слышал про такой.

– Давно было, еще во времена Иоанна Васильевича.

– И?

– И прислали они во Псков похожий ларец, а в нем пуд пороха да десяток заряженных пистолей.

– Сволочи.

– Не то слово, государь! – Иван Петрович извлек из сундучка что-то, напоминающее половинку бинокля. – Только у них не получилось. Ага, и сейчас им хрен на рыло.

– Что?

– Простите, Ваше Императорское Величество! Извольте глянуть.

– Куда?

– Вот, – протягивает свой хитрый агрегат. – Это ночезрительная труба господина Ломоносова, слегка мной усовершенствованная и приспособленная к разглядыванию мельчайших деталей. Ежели вот тут покрутить...

Будет он мне объяснять. Я что, в школе микроскопом не пользовался? Там, правда, поудобнее самую малость.

– Видите?

– Ничего не вижу. А чего там?

– Так вот же... – тычет пальцем в одну из печатей. – Она закрывает отверстие, из которого вылетает пуля.

– Зачем?

– Чтобы убить того, кто попытается открыть, – голос у механика мягкий, выдающийся многолетней привычкой объяснять великосветским идиотам прописные истины.

– Да я не об этом. – Теперь бы самому набраться терпения. – Как сам посол собирался открывать ларец?

– По всей видимости, никак не собирался, государь. Заметили крупинки пороха, застрявшие в завитушках? Вот!

Саперы-самоучки, мать их за ногу! И что самое обидное – у покойников уже ничего не спросишь. А хотелось бы... Если только... если только ларец не предназначался для расплаты с заговорщиками. В этом случае все сходится – весу в нем, будто и впрямь золотом набит.

– Конечно, большой «бум», и концы в воду!

– Вы гений, Ваше Императорское Величество! Действительно, зачем изощряться, когда можно опустить в воду для смачивания порохового заряда.

Льстит. Спишем на слишком долгое пребывание при мамашинном дворе, когда без целования сиятельных задниц вовсе никак.

– Ну так займись.

Неожиданно образовавшаяся бездельная минутка оказалась весьма кстати. Все бегают, суетятся, а я сижу себе в мягком кресле, закинув усталые ноги на низенький столик, и осматриваю преподнесенные прапорщиком Акимовым пистолеты. Забавные игрушки, и, что удивительно, без всяких украшений. Такое ощущение, что большинство деталей отштамповано, а красота принесена в жертву простоте и скорости изготовления. И тем не менее считаются лучшими. С чего бы это? И на какое захолустье рассчитывает неизвестный мне Симон Норч, выпуская сей курioз?

Зарядил. Немного подумав, попытался разрядить. Не получилось: то ли привычки нет, то ли руки кривые. Ничего, вернется Кулибин, попрошу его о помощи, чай, не откажет императору. Кстати, а сундучок так и остался стоять на полу, ненавязчиво так маня откинутой крышкой. Хм... одним только глазком гляну, и все. А что, он бы и сам мне все показал, не так ли? Ничего же брать не буду, просто интересно.

Так... микроскоп ночезрительный я уже видел, а это что такое? На немецкую гранату-толкушку похожа, может, она и есть? Потом спрошу. Пузырьки какие-то... так он еще и лекарь?

– Осторожнее, государь!

Ну вот, кто просил говорить под руку? От неожиданности пузырек выскальзывает из пальцев и падает мне на колени. И чего орет?

– Не двигайтесь!

Кулибин бледный, с выпученными безумными глазами, кажется, даже борода дыбом встала. Бросается к злополучной склянке, схватил, прижал к груди, отпрянул, закрывая ее всем телом.

– Иван Петрович, какой бес в тебя вселился?

Долго не отвечал, только было видно, как вздрагивают его плечи. Наконец обернулся, держа руку за спиной, и попытался объяснить, сильно притом заикаясь:

– Это... это... опасно. В-в-взрыв!

– Чего нахимичил? – Ой, беда прям с этими учеными! – Философский камень добыл?

– Нет, Ва... Ва... нет, государь. Это ртутный порох.

Мать! Если это то самое, о чем я подумал... да мне бы оторвало все напрочь...

– Ну-ка поподробнее.

Объяснил. Примерно это же нам рассказывал капитан Алымов на занятиях, но почему-то утверждал, что гремучую ртуть придумали англичане. Украли изобретение? А чего, с них станется. У-р-р-роды!

– И что теперь с тобой делать?

– В Сибирь? – Иван Петрович заглядывал в глаза с некоторой надеждой на положительный ответ.

– Слишком легко хочешь отделаться. – Грустное молчание, сопровождаемое тяжелыми вздохами. – А работать кто будет, Пушкин?

– Нельзя в пушки! – Механик явно неправильно понял окончание фразы. – Ствол рывает сразу.

– Так ты еще и вредитель?

– Но...

– Никаких «но»! Какие есть предложения по использованию изобретения в военных целях?

– Значит...

– Иван Петрович, не зли государя императора, то есть меня. Сроку тебе – неделя. Вопросы?

– А что с золотом делать?

– С каким золотом?

- Из ларца аглицкого посла.
- И много там?
- Еще не подсчитывали, но пуда полтора будет. И пороха столько же.

Да, Иудина доля в последнее время изрядно выросла. Интересно, могу я считать эти деньги своей законной добычей или в глазах просвещенной Европы буду выглядеть обычным грабителем? Для необычного сумма слишком маловата, честно признаться. А если поступить по-рыцарски, как подобает особе благородного происхождения, и вернуть ларец англичанам? Вроде как намек – мол, чужого не надобно, но и своего не отдадим. А не жирно ли им будет?

- Пойдем-ка, Иван Петрович, посмотрим. На месте и определимся.

Вот оно, вражье золото. Оно же – презренный металл, кровь войны и ее вечный двигатель. Даже гвинейских монет не пожалели за мою бедную голову. И несколько толстенных промокших пачек банкнот, похожих на обвязанные веревочкой кирпичи. И аккуратные пакетики из навощенной бумаги. Сам заряд остался цел, пострадала лишь затравка на полках замков, что должны были сработать при открывании крышки. И никаких пистолетов. Экономят, что ли?

Кулибин показывает на предохранительный механизм:

- Все же можно было открыть.

Ясен пень, чай не дураки англичане, чтобы бомбу золотой картечью снаряжать. Ладно, мы ведь тоже не лаптем щи хлебаем.

- А не сделать ли нам, Иван Петрович, некий финт ушами?
- Это как?
- Сейчас расскажу.

Документ 6

«Петербургские ведомости».

– Выключенному из Великолуцкого мушкетерского полку, прапорщику Шафоростову, просившему определения в полки московской дивизии, по высочайшему повелению объявляется, что он, будучи один раз выключен из службы за лень, более никуда определен быть не может.

– Отставному прапорщику Марцынкевичу, просившему об определении паки в службу, объявляется, что он, будучи отставлен по его собственному прошению, должен оставаться в том состоянии, какое сам себе добровольно избрал.

– Могилевскому купцу еврею Бениовичу, приносившему жалобу на жителей города Галаца, ограбивших его в прошлом году, объявляется, что как город Галац находится под владением турецким, то и предоставляется самому ему искать своего удовлетворения у турецкого правительства.

– Отставному капитану Вельяминову, просившему позволения носить мундир, объявляется, что как оно ему при отставке не дано, то при том и остаться он долженствует.

– Выключенному из Тамбовского мушкетерского полку подпоручику Волкову, просившему об определении в Малороссийский гренадерский полк, отказано за прихоть.

– Выключенному за лень и нерадение из службы прапорщику Оглоблину, который просил о принятии его по-прежнему в службу, отказано для того, что в оной ленивые и нерадивые терпимы быть не могут.

– В пансионе Августа Вицмана, в Погенполевом доме близ Синего моста под № 106, продается новая книга под названием «Золотая книжка или собрание новых, доказанных, легких, редких и любопытных хозяйственных опытов и искусных действий к пользе и удовольствию каждого... № 55. Узнать, сколько весу в быке, не свесивши его. № 56. Способ выращивать морковь толщиной в руку, а длиною в аршин. Выучить кошку в одну минуту писать на 3-х или на 4-х языках». Сия книжка продается по 5 руб., и кто купит ее по 1-е мая сего года, тот 2-ю часть получит безденежно; для чего при покупке 1-й части будут розданы билеты. Кто же до истечения сего времени ее не купит, тот не прогневается, если и за вторую часть принужден будет заплатить столь же дорого.

– Издана книга под названием: «Любовь – книжка золотая. Люби меня хотя слегка, но долго». Творение сие вообще такого рода, какового еще на нашем языке поныне не было. Так отозвались, и при той назвали «золотой книжкой» в одно слово, как бы согласясь, двое знатоки словесности, читавшие оную в рукописи до издания. Книжка сия почти вся, а паче первые листки ее состоят из притчей (иносказательного содержания). И так, дабы уразуметь прямой смысл, который, впрочем, весьма забавен и любопытен, необходимо нужно читать ее не скорохватом, не борзясь, как обыкновенно читаются романцы, или как некоторые мелют дьячки, что ни сами себя, ни слушатели их не понимают. И так, читай и внимай. Впрочем, любо – читай, а не любо – не читай. Ты и сам, читатель, думаю, той веры, что на всех угодить и критики избежать – мудрено. Человек есть такое животное, которое любит над другими смеяться, и само подвержено равно насмешкам».

Документ 7

«Из дела осужденного мещанина Радищева:
...Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро,
Будешь проклято вовек, ввек удивлением всех,
Крови – в твоей колыбели, припевание – громы сраженьев,
Ах, омоченно в крови ты ниспадаешь во гроб;
Но зри, две вознеслися скалы во среде струй кровавых:
Екатерина и Петр, вечности чада! и росс.
Мрачные тени создади, впреди их солнце;
Блеск лучезарный его твердой скалой отражен.
Там многотысячнолетны растаяли льды заблужденья,
Но зри, стоит еще там лдяный хребет, теремьясь;
Так и они – се воля господня – исчезнут, растая,
Да человечество в хлябь лдяну, трясясь, не падет.
О незабвенно столетие! радостным смертным даруешь
Истину, вольность и свет, ясно созвездье вовек;
Мудрости смертных столпы разрушив, ты их паки
создало;
Царства погибли тобой, как раздробленный корабль;

Царства ты зиждешь; они расцветут и низринутся паки;
Смертный что зиждет, все то рушится, будет все
прах...»

Глава 5

Холодное месиво под ногами, состоящее из снеговой каши пополам с конским навозом, вылетало из-под растоптанных сапог на таких же товарищей по несчастью, идущих в строю рядом. И чавкало в такт:

– Ду-рак, ду-рак, ду-рак...

А кто же еще, как не он? Как назвать человека, человеком с недавних пор не считающимся? Бывшие... так их всех две недели назад окрестил командир батальона, званием всего лишь прапорщик, но называемый исключительно по имени-отчеству. Александр Павлович был краток и немногословен, перед строем он сказал лишь одно:

– Мы все бывшие. Выхода два – умереть с честью... – Тут сделал паузу. – Или без нее. Желающие сделать это могут начать прямо сейчас.

Тогда еще никто не понимал, для чего унтер-офицеры из «постоянного», как их называли, состава выдали каждому по крепкому шелковому шнурку. Осознание пришло на следующее утро, когда после марша в семьдесят верст сразу шестеро были найдены повесившимися. Второй выход – вот он. Александр Павлович запретил снимать удавленников – они так и остались покачиваться на ветру в безвестной деревушке, определенной батальону на ночлег. Остались, а под ноги им были брошены обломки их собственных когда-то шпаг. Отчего их не сломали еще при лишении дворянского звания? То неизвестно, разве что государь Павел Петрович всегда слыл бережливым и экономным даже в мелочах?

А могли ли унтер-офицеры воспрепятствовать самоубийствам, продолжившимся и в последующие ночи? Наверное, могли. Но не сделали этого.

– Привал! Привал, господа штраф-баталлионцы! – донеслась из головы колонны долгожданная команда.

Отдых. Значит, позади остались пройденные с утра версты, и впереди ждет горячий обед из новомодных изобретений господина Кулибина – походных кухонь, поставленных на сани. Пышущие жаром и дымом луженные изнутри железные бочки не позволили протянуть ноги в пути от бескормицы, исправно снабжая пищей, но они же и заставляли выдерживать непомерную скорость марша – не приведи Господь оттепель, и тогда... Что будет тогда – представлять не хочется. Никому.

Александр сидел на брошенной в снег охапке соломы и вяло ковырял деревянной ложкой в котелке, вылавливая из постных, несмотря на пасхальную неделю, шей кусочки осетровых молок. На жалобы штраф-баталлионцев о невозможности справить даже Светлое Христово Воскресение назначенный в батальон священник, похожий на недоброй памяти Емельку Пугачева, только ухмыльнулся и изрек:

– Поститься да разговляться живым положено, мертвые вообще ничего не едят, мы же – посредине.

Как он сам сюда попал, батюшка не рассказывал, но увидев, как однажды на привале успокаивал штрафников, за неимением оружия затеявших дуэлирование на кулаках, можно было догадаться. Уж больно ловко орудовал выскользнувшим из рукава кистенем, что наводило на некоторые мысли, в основном грустные. Покалечить, правда, никого не покалечил. Вот и сейчас коршуном кружит... миротворец.

– Васька, скоро там?

– Сей момент, Ва...

– Смотри у меня! – опальный великий князь погрозил кулаком нерасторопному, как показалось, денщику и вновь погрузился в раздумья, лишавшие аппетита.

И зачем отец все это устроил? К чему бешеная гонка, после которой из двадцати двух генералов в живых осталось только шестеро? Кто недавно сам попрекал за погубленный цвет армии? И не проще ли было просто казнить заговорщиков, не подвергая излишним мукам? И для чего в тянущемся позади обозе везут шпаги? Ну, насчет последнего высказано недвусмысленно, но вот на остальные вопросы ответов просто нет.

– Кофей готов, Ваше Высочество! – добровольно отправившийся с Александром денщик продолжал упорно титуловать, как и прежде, опуская, однако, запрещенное «Императорское».

– Спасибо, братец, – с благодарным наклоном головы принял дымящуюся кружку.

Поднес к лицу. Запах дома и запах былой свободы. Кофе – это единственное послабление, которое себе позволил прапорщик Романов, отказываясь от остальных.

– Портянки вот еще сухие. – Солдат достал из-за пазухи сверток. – Тяжко ведь...

– А тебе?

– Ништо, Ваше Высочество, – и засмутился своей бравადе. – На плацу потруднее было, а тут... Налегке, опять же – харчи добротные, мундир вот теплый.

В доказательство он попытался расстегнуть воротник кафтана, цветом и кроем напоминающего крестьянский армяк, но с пуговицами – хотел показать, что даже жарко.

– Не хвались, у меня такой же.

– Виноват, Ваше Высочество!

Угу, виноват он... чего уж виноватиться, если весь Петербург был повергнут в изумление и ужас новым обмундированием? Из-за него, кстати, и задержались, отыгрывая теперь упущенное время. Нет, не из-за изумления – ждали, пока построят мундиры на четыре сотни человек. А потом вывели всех на Сенатскую площадь...

И у многих из собравшихся на невиданный позор сжималось сердце за горькую участь отца или брата, многие губы шептали проклятия злему тирану, по иронии или ехидству приурочившему оглашение приговора к мартовским идам. Да, шептали... недолго шептали – тем же приговором семьи штрафников выводились в мещанское состояние и определялись к государственным работам. Каким? То Господь ведает. И только нацеленные пушки да штуцеры Багратионовых егерей удержали осужденных на месте, о чем большинство сегодня жалело.

Александр в раздражении бросил кружку и встал.

– Остайся здесь, – приказал вскинувшемуся было следом денщику, а сам пошел к дороге, где строгие унтеры уже строили в колонну своих подопечных.

Шел, оглядывая хмурые серые лица, заросшие многодневной щетиной. Видел с трудом расправляемые спины бывших блестящих полковников и генералов, нетвердые шаги недавних сенаторов... Внимание привлек знакомый по прошлой жизни худощавый молодой человек, почти ровесник, при попытке подняться с земли кусающий губы.

– Вам дурно, Александр Андреевич?

Тот вскинулся, прижав руку к груди, и в отрицании покачал головой:

– Все в порядке, Ваше Высочество.

– Но я же вижу!

– Пустое, не стоящее вашего внимания минутное недомогание. Оно уже прошло.

– Не спорьте с командиром! – оглянулся в поисках кого-либо из «постоянного состава».

Или все-таки охранников? – Унтер, поди сюда!

– Я, Ваше Высочество! – тот вытянулся, одним глазом преданно поедая Александра, а вторым продолжая следить за построением.

– Рядового... – покатал на языке непривычное слово. – Рядового Тучкова до вечера разместить при походной кухне.

– Никак не положено! – Вояка оставил бравый вид и сменил его суровостью. – Приказом государя Павла Петровича предписано...

– Я знаю, что там предписано!

Унтер-офицер тем временем достал из кармана бумагу и процитировал дословно:

– Гнать засранцев маршем, а тако же в хвост и в гриву, со всею пролетарскою беспощадностию, исключения деля токмо преискуснейшим стрелкам винтовальным, дабы избежать последующего дрожания телесного.

– Сие ко мне не относится, – слабо улыбнулся бывший гвардейский полковник. – Когда брата пришли арестовывать, я по их подпоручику с семи шагов промахнулся. Не беспокойтесь, Ваше Высочество, сил для ходьбы еще достаточно.

– И все же...

– Не стоит забот, право слово. Дойду.

– Погодите! – внезапно оживился унтер. – А не был ли тот подпоручик невысокого росту, поперек себя шире, с редкими зубами да рыжий?

– Не разглядывал, но вроде бы похож, – ответил Тучков.

– Да что же вы сразу-то не сказали, ваше благородие?

– О чем?

– Так ведь эта гнида... ой, простите, подпоручик Семеновского полка Артур Виллимович Кацман, сука остзейская, праздная чудесное избавление от смерти, изволили напиться допьяна и утонуть поутру в проруби на Мойке. Радость-то какая, ваше благородие! – и тут же, перейдя на крик, проорал в сторону обоза: – Митроха, темная твоя душа, подай сани господину рядовому!

День в дороге тянулся невероятно долго, но когда колонна наконец-то остановилась на ночлег в забытой даже чертом чухонской деревушке, снедаемый любопытством Александр Павлович поспешил найти бывшего полковника. Заинтригованный совершенно, он обнаружил штрафника в преинтереснейшей ситуации – за столом, с кружкой чего-то подозрительно пахнущего, в окружении унтеров, с раскрасневшейся физиономией.

– Смирна-а-а! – рявкнул заметивший высокое начальство егерь, заставив в очередной раз поморщиться.

Зачем изображать показное рвение, если исполняешь приказы командира батальона только тогда, когда они не расходятся с неведомым, но изложенным на бумаге предписанием? Заглянуть бы в него хоть одним глазком... Нет, лишь виновато разводят руками, но при случае обязательно цитируют краткие выдержки. И что же в двух третях, что еще не услышано?

«Какое трогательное единение с народом! – с небольшой завистью подумал Александр, приветливо улыбаясь. – Вполне себе гармония, предмет мечтаний господина Руссо».

– Ваше Высочество, тут... – смутившийся Тучков не договорил.

– Полно вам, Александр Андреевич, лучше к столу пригласите.

Пригласили, подвинулись, втайне гордятся, что не погнушались. Да что втайне, на лицах написано – запомним и детям передадим! И тут же сунули в руку глиняную кружку, которую сиятельный прапорщик опрокинул единым духом. И застыл, тщетно силясь вздохнуть.

– Это что, из рыбьей чешуи делают? – спросил хрипло и сам удивился внезапно севшему голосу.

– Чудной народец эти чухонцы, – откликнулся сидевший рядом егерь и заботливо подвинул деревянное блюдо. – Закусите, Ваше Высочество.

Александр не отвечал, чувствуя мерзкий вкус во рту, зажегшийся огонь в желудке и невиданное умиление в душе. Ощутил себя плотью от плоти земли русской, частичкой соли ее и... и... и псом поганым, предавшим и продавшим родного отца. Забылись и мама-немка, бабушка-немка, еще одна бабушка – тоже немка, дедушка... вот тут лучше считать наполовину немцем, не то ведь и досчитаться можно! И осталась навеянная дрянной чухонской водкой обыкновенная русская тоска... А может, и не обыкновенная...

– Закусочки вот, – продолжал беспокоиться сосед. – Знатная закусочка!

Лукавил, усатый черт! В сравнении с ужином штрафников стол унтеров выглядел неожиданно бедно – гороховая каша с салом, сухари, сало уже без каши, несколько крупных луковиц, пара дюжин печеных яиц в глубокой миске. Зато есть пузатый кувшин. Сменяли на харчи?

Заметив недоумение, егерь скользнул взглядом по отгораживающей угол занавеске, за которой угадывалось какое-то шевеление.

– Мальцы там голодные, Ваше Высочество. Вот мы и немного...

Пестрая от заплат тряпка колыхнулась, открыв худую чумазую мордочку.

– Поди-ка сюда, – позвал Александр, нашаривая в кармане серебряную полтину. – Держи.

– Не понимают они по-нашему.

Но мальчуган лет шести оказался сообразительным – подбежал, выхватил монету и тут же юркнул обратно под всеобщий одобрительный смех.

– Вот, а ты говорил – не поймет.

– Чужое брать – тут сообразительности не надобно, – унтер вздохнул. – А медью лучше бы было... отберут ведь.

– Кто?

– Управляющий ихний и отберет.

– Да как он посмеет?!

– Недоимки, Ваше Высочество.

Александр стукнул кулаком по столу, хотел что-то сказать... и промолчал, потянувшись к кувшину.

Утром командир батальона проснуться не смог, поднялся только к обеду, мучимый головной болью, стыдом за беспомощное состояние и провалами в памяти. Сунувшийся с помощью Василий был обруган нещадно с посулом дранья батогами на ближайшем привале.

– Так уже, Ваше Высочество, привал.

Александр представил вопли, которые могли бы производиться денщиком при экзекуции, вздрогнул и вяло отмахнулся:

– Батоги отменяю. Но все равно поди прочь.

Обнаружившийся на тех же санях Тучков облизал сухие губы и посоветовал, осторожно выговаривая слова:

– Петр Великий опохмеляться не запрещал.

– Точно ли так?

– Прямого указа не издавал, конечно. Грозен был государь, ничего не скажу, но ведь не зверь же какой?

– Вы определенно в этом уверены, Александр Андреевич?

– Поправление здоровья командира не может не послужить ко благу Отечества. Васька, чарки где, ирод?

И впрямь попустило. Прапорщик в скором времени смог оглядеться, не опасаясь подступающей дурноты и не борясь с головокружением. Колонна только что остановилась, и штрафники уже толпились у кухонь, подставляя котелки походным кашеварам. В желудке громко квакнуло, и уловивший намек Василий тут же выставил командирскую долю, до того заботливо укрываемую под лежащим в санях бараньим тулупом.

– Опять щи?

– С головизной, Ваше Высочество. Да оттаявшие кулебяки к ним.

– Прочь с глаз моих, аспид! А котелок оставь.

Покончивший со своими щами и уже уничтожающий перловую кашу Тучков скромно заметил:

– Ну не померанцами же нас угощать. А тут весьма дешево и сытно – бережет государь Павел Петрович штрафной батальон.

– Бережет? – изумился Александр и опустил ложку. – А как назвать вот это вот... э-э-э... смертоубийство?

Бывший полковник пожал плечами:

– Закалкой?

– Объяснитесь.

– Ну... мне, во всяком случае, наше сегодняшнее положение напоминает изготовление клинка – бьют, мнут, бросают в воду...

– Но умершие по дороге? Но покончившие с собой? Да, я приказал сломать их шпаги и так бросить... но понять и принять не могу.

– Отжигают примеси, Ваше Высочество. Уходит окалина, остается булаг. И мы, мнится, острие того клинка.

– Вы так говорите, Александр Андреевич, будто одобряете... *vous comprenez?*

– *Oui mais...* Но отчего бы быть недовольну? Отечеству понадобилась моя жизнь? Что же, я готов отдать ее там, где оно находит нужным.

– Помилуйте, полковник...

– Бывший полковник.

– Вот именно! Вас не заботит то, что вместо Отечества приказ исходит от безумного императора? Да, он мой отец, но ведь безумен же, согласитесь?

– Не более нас с вами, Ваше Высочество. – Тонкие губы Тучкова чуть дрогнули в улыбке. – Ужели скорбный умом смог бы организовать то, чему мы свидетели сейчас? Нет, не наш батальон, хотя и его тоже.

– Не вижу причин вашего энтузиазма, Александр Андреевич. Не изволите просветить? И отчего в таком случае вы оказались здесь, среди осужденных заговорщиков?

– Судьба, – усмехнулся штрафник. – По чести сказать, я и о заговоре не знал совершенно, а за оружие взялся, лишь защищая старшего брата.

– Убит?

– Николай только ранен и оставлен до излечения в Петропавловской крепости. Но вернемся к вопросу, Ваше Высочество. Единственно сначала постарайтесь ответить на мой... Мог ли безумец так своевременно собрать врагов своих воедино, причем именно самых нужных врагов, вынудить их к выступлению в самый удобный для себя момент и нанести решительный удар? И заметьте, наиболее жестоко пострадали лица, живущие торговлей с Англией. Или указ о конфискации имущества просто так появился, действием воспаленного мозга? Нет, уверяю вас, там миллионы, а они случайностям не поддаются. И не удивлюсь, если окажется, что планы императора далеко превосходят мое скромное воображение.

– Вы думаете, Александр Андреевич...

– Несомненно! Единственным выстрелом государь Павел Петрович убивает даже не двух, а кабы не меньше десятка зайцев. Некоторое поправление финансов за счет реквизиций, это раз. Вторым можно считать уничтожение всяческой оппозиции – любой голос против будет подавлен жесточайше, не вызывая при этом удивления. А какой щелчок по носу надменным англичанам? А и не щелчок – бомба, брошенная в скрыт-камеру каждого корабля, британского, разумеется. Сколь долго продержится их флот без поставок русского леса, мачт, пеньки, железа, воску? То-то и оно! А милейший граф Пален, по слухам, ведающий контрабандой в нарушение блокады, убит...

– Случайность.

– Да? Случайность, подкрепленная пулями и штыками гвардейцев полковника Бенкендорфа? Согласен, тогда еще прапорщика... Но не намекает ли неожиданный взлет сего юноши о действиях, заранее с императором оговоренных и выполненных с чрезвычайной скрупулезностью? Хорош же случай – именно в ночь, назначенную заговорщиками, в Михайловском

замке ни с того ни с сего оказывается совершенно непредусмотренная рота Семеновского полка.

– И та повторная присяга вечером...

– ...Служила лишь предостережением вам, Ваше Высочество. От излишне резких и необдуманных действий. Иначе не объяснить, разве что...

– Что?

– Нет, пустое... мне не в силах угадать мысль гения, каковым несомненно ваш батюшка является. Может быть, просто пожалел?

Бывший наследник престола зябко поежился. Это что, смерть взмахнула своей косой и остановила ее? Или мрачное орудие пролетело над головой, лишь слегка затронув и обдав могильным холодом? Слепец! Нет, это он сам слепец и безумец, если умудрился проглядеть такое. А все бабка Екатерина... старая блудливая сучка... Сама померла и еще внуков решила на тот свет прихватить? Ее выкормыши все и затеяли...

– Продолжайте, Александр Андреевич. Извините, задумался. Вы можете предположить нашу дальнейшую участь?

– А что в ней неясного? Выжившим – слава, погибшим – прощение. Погибшим в бою, разумеется, а не как нынешний бумагомарака.

– Кто?

– Вам не докладывали? Ах да, о чем это я... Нынче ночью повесился известный сочинитель Радищев. И представьте себе, Ваше Высочество, жердь, к которой был привязан шнурок, оказалась осиновой. Воистину кесарю – кесарево, а Иудушке – иудино.

– Не любите сочинителей?

– Ну почему же? И самого порой на вирши тянет, не без греха, однако. Но не его ли трудами, грязным пасквилом, оплаченным из известно чьего кошелька, оказались смущены многие юные умы, в сей колонне пребывающие? Верно говорю – накипь уходит.

– Вы жестоки, Александр Андреевич.

– Рационален, Ваше Высочество, не более того. Нас ждут впереди сражения, и я не хотел бы иметь за спиною подобных... подобных... Да, подобных! Умереть не боюсь, но от руки подлеца было бы обидно. Но, слава Господу, – Тучков перекрестился, и Александр последовал его примеру. – Слава Господу, государь побеспокоился об этом. И еще, эти вот шнурки... Согласитесь, что господам вольтерьянцам и вольнодумцам трудно будет объявить самоубийц павшими в борьбе с ненавистой им тиранией. Нет, Ваше Высочество, план императора настолько безупречен, что поневоле склоняешь голову перед его величием.

Бывший полковник замолчал, предавшись ожесточенному почесыванию, и командир невольно поддался подобной заразной слабости – все же ночевки в деревнях и на мызах не могли пройти бесследно.

– Ничего, – успокоил Тучков, заметив движения прапорщика. – Придет и в сии места цивилизованность. А в Ревеле бани есть?

– Должны быть.

– Потерпим еще два перехода, Ваше Высочество?

– Потерпим, Александр Андреевич, rougquoі бы не чаво?

– Простите?

– Чаво, говорю...

И оба рассмеялись удачной шутке.

Глава 6

– И позвольте поинтересоваться, граф, каким образом предполагается удовлетворять потребность армии при такой скорострельности? Ведь, ежели судить по представленным образцам, обыкновенный солдат сможет сделать в минуту не менее десяти выстрелов!

– Больше, особенно если это обученный солдат.

– Вот именно!

Господи, как же мне не хватает Бенкендорфа, отосланного с особым заданием, о котором вслух лучше и не говорить. Нет, не предательства боюсь – засмеют. Эти вот спорят, а Александр Христофорович чуть не каждое слово почитал божьим откровением, но, как ни странно, твердо настаивал, если видел явную ошибку. Незаменимый человек, к тому же не делающий вопросительное лицо при незнакомых выражениях. Эти же... ах да, повторяюсь.

Что еще сказать? В неделю, ему отведенную, Кулибин, разумеется, не уложился. Их три прошло, прежде чем получилось нечто, что можно предъявить пред государевы очи. Зато вместо присущего всем без исключения изобретателям самодовольства чувствует себя смущенным из-за нарушения высочайшего приказа. Ругать и выражать недовольство не стал, наоборот, одобрил и вознаградил, возведя в графское достоинство. А что, ужели не заслужил? Получил же литератор граф Толстой орден из рук самого товарища Калинина, а от этого толку, почитай, много больше будет. С бородой, впрочем, Иван Петрович расставаться категорически отказался, чем вызвал определенную зависть в обществе и десяток доносов на августейшее имя. Забыли люди про первый кнут? Напомню ужо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.